

Сергей Штильман

г. Москва

sstilman@mail.ru

8-915-2175117

**IN THE BOX
(TERRA INCOGNITA)**

Повесть

- Я слышал, старичок, ты в шкрабы решил податься? – поинтересовался Федя.
- Так точно, гражданин начальник!
- Тебе Барыгин начальник, а я так, сослуживец.

Федя был прав. Он руководил только гаражом. А всем нашим транспортным отделом заправлял Кирилл Гаврилович Барыгин, сокращённо – КГБ. Были у него и ещё две клички: Кирюха и Гаврила.

Началось наше знакомство с Федей так. Через несколько дней после моего появления в транспортном отделе он, ехидно улыбаясь, поприветствовал меня стишком собственного сочинения:

- Штильман Серёжа – бандитская рожа!
- Федя Зелинский – с мордой бандитской, – буркнул я ему в ответ.

Феде мой ответ понравился. Он каждому встречному и поперечному о нём с удовольствием рассказывал. Приветствие прижилось, стало для нас обоих привычным. Вообще Федя за все годы моей работы в этом учреждении был единственным начальником, с которым у меня сложились доверительные, почти приятельские отношения.

- Ты мне вот что лучше скажи, – продолжил наш разговор Зелинский, – как же ты детей учить будешь, если даже «который час» без мата спросить не можешь?

– Ладно, не преувеличивай!

– Я тебя пять минут назад спросил, какие у тебя на сегодня творческие планы, а ты что мне ответил?

– Да, по-моему, ничего такого!

– Тебе повторить?!

Федя снова был прав. За девять лет работы в транспортном отделе я действительно разучился говорить нормальным языком.

Как-то в поликлинике я долго не мог перевести на общеупотребительный язык фразу «крутить динаму», которую между делом «обронил» в кабинете участкового врача. Мне казалось, что эта идиома в переводе не нуждается. И уж, во всяком случае, фразы типа «намеренно медлить» или «стараться затянуть дело» казались мне абсолютно пресными и сути дела не проясняющими. Если честно, я и сейчас так думаю.

Врачиха не без интереса слушала мою приклатнённую речь, в которой проскальзывали фразы типа «тянуть грабки» и «склеить ласты», и в конце концов спросила:

– А у вас, простите, образование какое?

– Верхнее.

– А что, бывает такое образование?

– Образование разное бывает. У одного моего коллеги по работе в личном деле в графе «образование» чёрным по белому написано «нисшые», то есть четыре класса начальной школы.

– А вы, простите, где работаете?

– Я – в транспортном отделе на «почтовом ящике». Ящики таскаю со своим «верхним» образованием.

- А «верхнее» – это сколько? Вероятно, десять классов?
- Вообще-то я институт закончил!
- Какой же, если не секрет?
- Педагогический. У меня – диплом учителя русского языка и литературы.

Не знаю, поверила ли мне врачиха, но больничный лист выписала сразу на неделю. Видимо, я действительно произвёл на неё сильное впечатление.

Работа у меня – что правда, то правда – была самая что ни на есть интеллектуальная: я получал на вокзалах и в почтовых отделениях всевозможные ящики, бандероли и посылки. В моей трудовой книжке это увлекательное занятие называлось так: «инженер по железнодорожным перевозкам».

Что же ещё было? Был «почтовый ящик» в конце длиннейшей улицы 8 Марта. Улица была – хоть экскурсии води: слева от «ящика» желтели корпуса психушки, тоже своеобразной *terra incognita*. Почти всякий раз, проходя или проезжая мимо этих скорбных окон, я невольно задумывался: «Как они там, в тумане?»

Справа к нашему «ящику» примыкала улица Юннатов. К одному из невзрачных одноэтажных зданий в самом её начале ежедневно подъезжали машины с устрашающей надписью: «Живсырьё». Из машин раздавалось отчаянное мяуканье кошек и душераздирающий вой собак. Официально это учреждение называлось *ветеринарной лечебницей*. Возможно, там действительно время от времени лечили животных. Но было хорошо известно, что на улице Юннатов находится одна из московских живодёрок.

И у нашего «ящика» было официальное название. Оно значилось в любом телефонном справочнике: институт такой-то. Это название и красовалось на вывеске у центральной проходной – парадного входа института. Но было и неофициальное название – Предприятие почтовый ящик, и далее следовала буква и через дефис – несколько цифр.

Сам наш «ящик» представлял собой десяток разнокалиберных зданий серого цвета: в основном пяти- и восьмизэтажных. Транспортный отдел примыкал к одной из таких восьмизэтажек. Располагался он на двух этажах. На первом был гараж, которым командовал Федя; тут же – ремонтные мастерские с осмотровыми ямами – вотчина Юрия Прохоровича Паршина; комната дежурных механиков, боксы для машин и мойка. На втором этаже – раздевалка работяг, кабинеты начальника и его замов, диспетчерская, комната отдыха, склад.

К тому моменту, когда мы с Фёдей Зелинским выясняли, каким образом я со своим «гаражным» лексиконом и «верхним» образованием буду учить детишек, я уже отбыл в «ящике» свой срок. Срок немалый – девять лет, и (поскольку срок призыва в армию в мирное время ограничивался именно двадцатью семью годами) – мог отправляться на все четыре стороны.

Почти треть моих коллег – ребята от восемнадцати до двадцати семи лет – тянули ляжку на родную оборонку из-за отсрочки от армии. Мужики, в армии отслужившие, нас откровенно презирали, в глаза и за глаза называли «дезертирами». Почти никаких прав у нас не было. И зарплата наша была ниже, чем у остальных водителей, грузчиков и слесарей. За любой проступок: прогул, пьянку на рабочем месте, неповиновение начальству – каждого из нас могли в любой момент лишиться отсрочки. Как правило, уже через пару недель этот счастливцев оказывался на Угрешской улице и отправлялся в армию.

Если наклёвывалась какая-нибудь неприятная командировка в Енисейск, в Джезказган или, скажем, на Балхаш, – посылали в эти глухие места в первую очередь нас, «дезертиров». И отказаться было невозможно: наказание было всё то же – армия. Тогда, конечно, не было войны в Чечне. Но был Афган. Не знаю, что лучше. Из тех ребят, кого лишили отсрочки и сунули в Афган, на моей памяти домой не вернулись четверо.

Из тех же, кто пришёл работать в наш отдел, к нормальной жизни не вернулись десятки. Кто спился, кто покончил с собой, кто как человек сломался, превратился в жалкую пародию на себя, бывшего. Пытаясь избежать призыва, мы вместо двух лет службы в армии обрекали себя на девять лет рабства, почти тюремного.

Хуже всех пришлось тем ребятам, которые, оттянув восемь – девять лет ляжку в «ящике», были призваны в армию в 1984 году. Тогда – с 1-го января – отсрочки от призыва были сняты со всех «почтовых ящиков», даже с «Курчатника» (так мы называли институт имени Курчатова).

До сих пор помню проводы в армию Володьки Аборина. Его двенадцатого января в срочном порядке привезли в Москву из Енисейска.

25 января 1984-го Володьке исполнялось 27 лет. В армию его призвали семнадцатого...

Мне повезло. Я получил военный билет и развязался с армией одним из последних в нашем отделе – 30 ноября 1983 года...

ПРО АББРЕВИАТУРЫ

Майор был неумолим.

– Значит, так! В этот *призыв* в армию никто из вас не пойдёт. Родина даёт вам возможность сначала получить военную профессию.

– Не! Не хотим! Так забирайте!

– А вас никто не спрашивает, хотите вы или не хотите. Из вас нужно сделать двадцать шоферов и двадцать телеграфистов! Даю вам на размышление два часа. Кто надумает, – стучите! Дверь железная – слышно далеко!

Дверь с треском закрылась. Щёлкнул замок. Послышались удаляющиеся шаги майора. Где-то хлопнула дверь.

– Ни фиги себе! Что нам тут, целых два часа чалиться?

– Хорошо, если только два. А то ещё и до вечера продержат. Я слышал, во Фрунзенском военкомате ребят до восьми часов держали, пока добровольцы не нашлись!

– Клал я на их учёбу! В школе десять лет учились, – и опять учиться? Хрен им всем на рыло! – смачно выразил общую точку зрения высоченный длинноволосый парень. В присутствии майора он прятал свои патлы за воротник рубахи.

Первые два часа: с десяти до двенадцати – прошли почти незаметно. Травили анекдоты, поигрывали в картишки. Словом, развлекались, как могли. Добровольцев не было.

К четырём часам большинство из нас приуныло. В туалет, правда, пускали, там же можно было и воды из-под крана попить, но – не кормили. К шести стали появляться «малодушные». Решали: что всё-таки лучше – крутить баранку или стучать на телеграфе?..

Ровно в семь дверь открылась. Тот же самый майор объявил: «Всё! У меня рабочий день кончился. В общем, так. Приписные свидетельства сегодня никто сегодня назад не получит. Сейчас пойдёте и получите повестки: завтра все явитесь сюда ровно в десять. Будете ходить в военкомат, как на работу, пока не поумнеете.

И пошёл я в телеграфисты.

Во вторник, четверг и в субботу учился на вечернем в Пединституте; в понедельник, среду и пятницу – стучал на телеграфе в подвале недалеко от «Кропоткинской».

Если бы не курсы телеграфистов, никогда бы не научился так печатать – вслепую, быстро, всеми десятью пальцами. До сих пор помню, как мы заучивали эти «сакрально–инфернальные» слова: «КЕМИНГТЬ, ПАФЫВ, РОЛДЖ». Помню широкую серпантинную ленту с бледными буквами и жуткие текста, которые мы печатали: «Петров идёт на север, а Коновалов с приданной ему дивизией следует на юг».

Если бы не эти самые курсы, никогда бы не узнал и о том, что есть в Москве в самом начале Кропоткинской улицы, такой вот – питерский – дом с двором-колодцем. В день окончания курсов, получив «корочки», в которых значилось, что всем нам присвоена воинская специальность *телеграфист третьего класса*, мы всей гурьбой выкатились во двор. Над нами – в неправильном ромбе колодца – нависало майское небо с редкими кучевыми облаками. Под нами – на асфальте – стояли четыре бутылки портвейна «Три топора» – начало традиционной попойки после окончания курсов.

Мы – все двадцать – стояли, обнявшись за плечи, тесным кружком, и молчали. Каждый думал о своём.

Эх, не стоял бы я здесь, не пил бы вместе со своими товарищами по несчастью это жуткое пойло, от которого потом долго и тяжело болела голова, если бы поступил на дневное отделение института. Не хватило полбалла, хотя сдал три экзамена на «5» и один на «4». Правда, аттестат у меня был четвёрочный. Конкурс в 1974-м на филфак был жуткий – 17,5 человек на место. Пришлось учиться на вечернем.

Что было потом?

Явка на последнюю медкомиссию. Через день – другой должны были выдать повестку «с вещами».

Ряд безликих докторов, которые, почти не глядя, ставили в моей карточке штампик «годен».

Был последний кабинет дерматолога. Та – едва ли не единственная – посмотрела на меня и обратила внимание на струпья, которые покрывали почти всё моё тело.

– А что это у вас?

– А у нас – псориаз! – попытался схохмить я.

– Какой псориаз?

– Распространённый.

– Странно! У тебя в карточке ничего про него не написано!

– Действительно, странно. Я им с десяти лет болею. Три раза в больнице лежал.

– Как в армию идти, – сразу все становятся неизлечимо больными, – посуровела докторша.

– Вообще-то я не против! Берите.

– Куда ж я тебя возьму? Тебя сразу же комиссуют! А мне по шапке дадут!

И уже через день я, тихий, отравленный воспитанием и учёбой в «музыкалке» очкарик из интеллигентной семьи, оказался в «Бермудском треугольнике». Место это славилось в Москве. И недаром. Здесь своими зарешёченными окнами смотрели друг на друга ПНД (психоневрологический диспансер), ЛТП (лечебно-трудовой профилакторий) и КВБ (кожно-венерическая больница).

Первые же впечатления от больницы были ужасающими. Больше всего меня потрясли струпья на полу врача-дерматолога и «мазилка», где – раздетые догола – мазали свои болячки мои друзья по несчастью, больные нейродермитом, экземой, псориазом и прочими кожными заболеваниями.

Нас, кожных, попавших в это окаянное место таким же макаром, как и я, во всей больнице было 8 человек. Одна палата. Остальные двадцать девять палат были под завязку заполнены венерическими больными, которые в КВБ и верховодили. Их было больше двухсот. Большинство из них попали сюда из разных военных частей. Именно здесь – в КВБ – я впервые услышал блатную «феню». На первых порах я не понимал ни одного слова. Слушал разговоры этих деятелей как речь иностранцев.

Каждый из нас, «кожных», постоянно ходил с синяками, кровоподтёками и ссадинами. Противостоять этим видавшим виды, сплочённым головорезам, некоторые из которых уже и на зоне успели побывать, мы не могли. Мы боялись ходить по коридору, заходить в туалет, появляться в столовой.

Больница – двухэтажное кирпичное здание – была обнесена высоченным забором. На проходной непрерывно дежурили милиционеры. Вход в больницу был строго по пропускам. Но обитатели двадцати девяти палат всё равно ухитрялись пронести водку и ходить по девкам. Помню, с каким ужасом я думал о том, что это за «девки»...

Моя кровать стояла впритык к койке парня, больного солнечной экземой. Парня этого на ночь связывали полотенцами, чтобы он во сне не расчесал свои язвы. Кровать его ходила ходуном, он мычал, силясь сорвать с себя путы, и страшно, бессмысленно матерился.

Когда через пару недель меня выписали из больницы и я вышел на волю, у меня было чувство, которое, вероятно, испытывает зэк, покинувший зону.

Но отвода от армии мне так и не дали. Та же самая дама-дерматолог популярно объяснила мне, что, дескать, слишком «жирно» мне будет, если я вот так вот, по-лёгкому, получу белый билет. «Мы будем класть тебя на обследование каждые полгода. В случае улучшения призовём в армию», – информировала меня она.

Уже потом я понял, что её нужно было всего лишь «подмазать». Но некому было подсказать, а я был на редкость наивен и неопытен.

Перспектива – вновь оказаться в «Бермудском треугольнике» – меня совершенно не грела.

И тут сотрудница моего отца вспомнила, что у неё есть в одном «почтовом ящике» знакомый, и обещала ему позвонить. «Тогда, – объясняла мне она, – никакой военкомат не посмеет тебя тронуть».

Словом, 30 июля 1974 года я впервые прошёл через проходную «ящика» и оказался в предбаннике кабинета Кирилла Гавриловича Барыгина. Пока он и его секретарша обедали, я от нечего делать читал объяснительные записки такелажников, автослесарей и шоферов об их непотребствах: прогулах, мордобоях, пьянке на рабочем месте. Со многими из них мне в скором времени предстояло познакомиться.

ВАНЯ ЛОСКУТКОВ.

Кличка у Вани была замечательная – Рецедеве. Вообще клички в транспортном отделе – статья особая. На вскидку можно вспомнить несколько наиболее виртуозных: Траливали, Пушной, Сливай-Воду, Пластилин, Танька-Карманный-Вариант, Огурчик, Сорок-Восемь-Попугаев, Незнайка, Три-Пети, Бантик, Давай-Выпьём.

Огурчика так звали за странную форму головы, похожей на огурец; Сорок-Восемь-Попугаев – за невероятный, выше двух метров, рост; фамилия Пушного была Соболев.

Что касается Вани, то он был тишайшим созданием – в чём душа держится. «Метр с кепкой», худенький, узкоплечий, из тех, что и мухи не обидит. А между тем Ванюша к моменту моего прихода в транспортный отдел был уже дважды судим (как он говорил, «сделал две ходки»), а за то время, пока я работал среди шоферов, грузчиков и слесарей, «сходил» в том же направлении ещё раз. Отсидев очередной срок, Ваня неизменно возвращался в родные пенаты. Правда, перед первым сроком он работал шофёром, потом – автослесарем, в третий же раз в Ванином уголовном деле значилось, что на свободе он числился такелажником. Кстати говоря, карьера для многих наших грузчиков обычная!

Всякий раз очередной Ваниной ходке предшествовала какая-нибудь дикая, почти фантастическая история.

Его дебют на скользкой уголовной дорожке был поистине блистателен. Ванюша сильно подшофе возвращался из гостей. Дело было зимой, поздно вечером. Шёл себе Ваня, и вдруг ему стало очень обидно, что никто его не любит, особенно женщины. И решил он это дело срочно исправить вот каким образом: стал предлагать всем встречным особам женского пола полюбить его, причём здесь и сейчас. Но никто на его призыв не откликнулся. Поняв, что он так и до утра провозится, Ваня решил пойти на хитрость. Не хотят знакомиться «по-хорошему», он решил познакомиться «по-плохому»: сорвал у проходящей мимо девицы шапку и бросился бежать. Ванюша наивно рассчитывал, что та за ним бросится в погоню. Тут-то он с ней и познакомится. Но события стали развиваться по иному сценарию. Девица оказалась с характером. Она даже голоса не подала, даже «Караул, грабят!» не закричала. Сначала Ваня оглядывался, всё надеялся на погоню. В конце концов, немного побегав, решил вернуться.

Когда он, обежав вокруг какого-то дома, с глупой улыбкой протягивая шапку, подошёл к этой самой норовистой даме, около той уже стояла милицейская машина.

А ещё минут через десять Ваня уже давал показания в ближайшем отделении милиции.

Дали ему для начала немного – три года общего режима. В Москве тогда шапки буквально «горели» на головах законопослушных граждан, Ваня попал под горячую руку, а

милиция отчиталась о задержании злостного «шапкоснимателя». Не помогло Ване ни отсутствие судимости, ни связи родителей.

Работал он на зоне библиотекарем. По-лагерному – придурком.

Выпустили на волю зэка Лоскуткова досрочно, года через два: за хорошее поведение и ударный труд.

Но машины в транспортном отделе чинил он недолго – месяца три.

Именно столько понадобилось ему, чтобы совершить очередной подвиг.

Отмечали они с приятелями чей-то день рождения. В перерыве между тостами вышли покурить перед подъездом. Вдруг именинник предложил прокатить всю гоп-компанию на своей двадцать первой «Волге», которую, с его слов, он купил буквально пару недель тому назад. Ваню в машине почти сразу разморило.

Проснулся он от того, что кто-то волок его за воротник. Картина была колоритная: здоровенный мужик тащил Ваню, а тот по-собачьи семенил за ним на карачках, задыхаясь и абсолютно ничего не понимая.

Уже в милиции Ваня узнал, что машина, в которой они катались, оказалась вовсе не именинника, а этого самого мужика. Обнаружив, что его машину угнали, тот позвонил в милицию. Но искать «Волгу» не пришлось. Именинник поставил её туда же, откуда угнал. Покатавшись, компания отправилась продолжать застолье, а Ванюшу по пьяной лавочке просто забыли в машине.

Говорят, Ваня на суде, когда объявили приговор – пять лет общего режима – плакал. Ничего ему не помогло. К тому же – вторая судимость...

И во второй раз Лоскуткова выпустили на свободу досрочно – через три с половиной года. Работал он на зоне истопником. Снова, в общем-то, придурком.

Третий Ванюшин подвиг был ещё глупее. Дело было так. Как-то после получки Ваня решил съездить к приятелю на дачу. Решил для самого себя неожиданно. Сидели они с ребятами (чуть не с теми же, которые его в своё время так хорошо прокатали), как водится, выпивали, и вдруг Ваня вспомнил, что его уже несколько раз приглашали на дачу в подмосковный Катуар. И хотя дело было к ночи и Ване очень не советовали никуда ездить, он всё-таки поехал.

Дальше – всё «под копирку». В поезде Ваня заснул. Очнулся далеко за полночь в Икше. Работники железной дороги вывели его под белые руки из поезда и посадили на скамеечку на платформе. Было довольно ветрено, моросил мелкий противный дождик.

И стало Ване до слёз обидно, что не попадёт он на дачу.

И начал он методично бить стёкла в какой-то стоявшей в тупике электричке, благо, щёбня вокруг было хоть завались. Стёкол разбил он немного: штук десять – пятнадцать. Устав от этой нелёгкой работы, Ванюша сел на скамейку и уснул.

...Очнулся – милиция.

– Ты бил стёкла?

– Я.

– Тогда пошли!

У Вани ещё ума хватило спросить: «Куда?»

В милиции выяснилось, что Ваня подозрительно похож на одного деятеля, который именно в той, последней электричке попросил взаймы кошелек с двадцатью пятью рублями у какой-то припозднившейся гражданки. Та впоследствии то ли по ошибке, то ли с испугу Лоскуткова «опознала», хотя полностью в том, что Ваня – тот самый «заёмщик», уверена не была. Но Лоскутков уже числился «рецидивистом», и, разумеется, никакой адвокат ему не помог.

На этот раз Ване впяли 8 лет усиленного режима. Заодно отнесли на его счёт все стёкла, выбитые за последние полгода на железнодорожной станции Икша и в её окрестностях. Так что из его лагерной зарплаты эти самые деньги – 831 рубль с копейками – все восемь лет аккуратно вычитали.

Этот срок Ваня отсидел полностью.

Вернулся он с зоны почти без зубов, совершенно лысый.

Ящики Ваня таскал добросовестно, даже старательно и искренне считал, что «Тройной» одеколон куда вкуснее обычной водки.

ТРИ ПЕТИ

Три-Пети работал у нас грузчиком. Его полное имя было Григорий Григорьевич Гришин. Но Гришей его называли редко, даже начальники. Был он несколько хромоног, причём хромоног довольно забавно. Прежде чем переступить, он вычерчивал носком правой ноги полукруг. Поэтому первая его кличка была Циркуль. О себе он не без гордости сообщал: «Я – инвалид детства». Что правда, то правда. У Гриши была третья группа инвалидности с правом работы.

Так исторически сложилось, что работавшие у нас Пети (их было четверо) были все как на подбор круглыми идиотами. Один Петя, по кличке Незнайка, подполковник в отставке, работал у нас инженером по технике безопасности. О нём речь впереди. Другой – Петя Нехлюдов – был газосварщиком. Трезвым я не видел его никогда. Ещё двое Петя тоже не отличались выдающимся интеллектом. Так и пошло: петя да петя. Слово прижилось, из имени собственного превратилось в назывное. «Дурак» и даже «идиот» считались у нас в отделе куда менее обидными, чем «петя».

О том, кто и как переименовал Циркуля в Три-Пети, в отделе ходила легенда, давно и прочно ставшая частью нашего местного фольклора. Однажды Циркуль с инженером по авиационным перевозкам Василием Васильевичем Ивановым и ещё двумя грузчиками поехал на аэродром получать какие-то ящики. Дядя Вася Иванов был знаменит у нас тем, что однажды на объекте в Енисейске обложил десятиэтажным кучерявым шоферским матом самого Космачёва – заместителя директора института, которого в нашей конторе боялись все. Космачёв, по слухам, в парной начал «качать права»: потребовал, что её очистили для его вельможной особы. Ну, и выслушал в свой адрес от Иванова много интересного. От Василия Васильевича, кстати говоря, и наши, транспортные начальники разного калибра, много чего в своё время выслушали.

Так вот, приехали они на аэродром, пришли на склад. Ящики оказались здоровенными и тяжеленными. Гриша, он же Циркуль (впоследствии Три-Пети) встал на один из ящиков и попытался приподнять его. Тот заартачился – ни с места. Товарищи по работе с интересом наблюдали за Гришиными стараниями, но пока молчали.

Гриша, он же Циркуль, немножко подумал, перевернулся, стоя на ящике, на 180 градусов и снова с удвоенной силой рванул ящик. Эффект тот же. Двое его коллег, которым попытки Циркуля одолеть земное притяжение всё больше и больше начинали нравиться, уже посмеивались и давали страдальцу всевозможные советы. Инвалид детства, не слушая их, продолжал упорно дёргать ящик. Наконец он не выдержал: «Чего стоите, помогите бы!»

И ему помогли. Оба грузчика встали рядом с Гришей на тот же ящик. Конечно, им было тесновато на нём. Теперь, уже все трое, потя и пыхтя, рвали его на себя.

«Видите, какой тяжёлый!» – сокрушался, вытирая пот, Гриша.

У Василия Васильевича Иванова была истерика. Он смеялся до икоты. Отсмеявшись, Иванов сказал: «Слушай, Гриня, у тебя неправильная кличка. Никакой ты не Циркуль, а самый настоящий «Петя», а вообще ты трёх Петя стоишь».

С тех пор так и пошло – Три-Пети.

Как-то раз я с Тремя-Петями получал на Киевском вокзале пять рулонов бумаги. Рулоны были огромными, метра полтора толщиной. Каждый весил больше центнера. Бумага плотная, белая, хорошая, чуть ли не мелованная. Технология погрузки бумаги на машину была предельно простой. Рулон нужно подкатить к машине и по следам вкатить в кузов.

Между складом, на котором получали бумагу, и машиной было метров тридцать. Три-Пети, не дождавшись, когда шофер подгонит машину к складу, покатила рулон прямо по грязи. Я стоял около машины и наблюдал за Петиними манипуляциями. Три-Пети был как-то

странно тих, сосредоточен и задумчив. Подкатив бумагу к машине и глядя на рулон снежной белизны, он изрёк: «Вот интересно! На улице грязно, а бумага чистая».

Через весь складской двор – от склада к машине – была выстелена белоснежная «ковровая дорожка» со следами грязных Петиных ног.

Три-Пети немало сделал для родного отдела. Вот наиболее значительные его подвиги. Однажды он в одиночку отправился сшибать с крыши «почтового ящика» сосульки прямо на машины, стоявшие внизу. Немногие из наших шоферов отважились вывезти свои машины из-под Петиного обстрела. Три-Пети стоял высоко, ломом работал старательно и не слышал, что кричали ему снизу. Ему объявили выговор и лишили премии. Помню, как Три-Пети расстроился. Он хотел как лучше! Он так старался! Так добросовестно колотил ломом по крыше! К тому же на крыше было холодно и скользко.

В другой раз этот великий грузчик в одиночку разгрузил целую машину с 30 финскими холодильниками «Розенлев», в те годы жутко дефицитными. Так получилось, что шофер и товаровед, подогнав машину к складу, пошли обедать, а другие грузчики то ли спали с бодуна в комнате отдыха, то ли были заняты. И Три-Пети решил, что настал его звёздный час, что на него вся страна смотрит. Что если не он – то кто же? И он один спас всех. Просто сбросил холодильники с машины вниз. За этот подвиг его снова лишили премии. Премия Трёх-Петь равнялась двадцати пяти рублям.

ЛЁШЕНЬКА

Лёшенька был моим близким другом. Пришёл он в транспортный отдел года через три после меня. Лёшенька был пацифистом. Все его предки вплоть до десятого колена были священниками. Держать в руках оружие противоречило его убеждениям. Грузчиком *он* был единственным в своём роде: не пил, не сквернословил, был аккуратен, вежлив и очень интеллигентен. Знал много стихов наизусть: Левитанского, Тарковского, Заболоцкого, Бродского, Кедрина... Обожал Галича, Окуджаву и Кима. Словом, не заметить его среди наших петь, бантиков и пластилинов было невозможно.

Лёшенька был болен прогрессирующей шизофренией. Диагноз этот ему поставили в известной психушке имени Сербского, куда он попал напрямиком из военкомата. Лёшенька в кабинете у психиатра в свойственной ему манере, «покрываясь потом липким» и глядя тревожно в угол, изрёк следующее: «А вон там стра-а-ашно. И тут стра-а-а-ашно. А как покуришь, так в горлышке першит. И стра-а-а-а-ашно!!!»

Разумеется, немного играл, но ведь не переигрывал же!! И вожделенный диагноз, дающий «отмазку» от армии, в итоге получил. Однако, как ни странно, в транспортном отделе некоторое время ещё проработал и продолжал грузить ящики в перерывах между беседами со мной о кедринских «Зодчих», окуджавском «Московском муравье» и «Андрее Рублёве» Андрея Тарковского.

Узнав о Лёшенькином диагнозе, кто-то из наших петь начал его дразнить Шизиком, на что мой друг очень тихо, серьёзно и внятно сказал: «Лучше страдать благоприобретённой шизофренией, чем врождённым идиотизмом». Фраза стала крылатой.

Лёшеньку примерно раз в год отправляли на лечение. О своём пребывании в «жёлтых домах» распространяться он не любил. Бормотал что-то о «лестницах» из галоперидола, и сульфазина и о том, как непросто «скорректироваться» после серии этих уколов.

По просьбе Лёшеньки, после очередного курса «лечения» я взвесил его на весах, что стояли у нас на складе. Обычно на этих весах взвешивали ящики. Я спросил своего друга:

- На какое деление ставить гирьку? Сколько примерно ты весил до больницы?
- Семьдесят пять.

Поставил гирьку на семьдесят. Стрелка весов показывала вниз. Тогда я передвинул гирьку на шестьдесят килограммов. Стрелка с места не сдвинулась. Лёшенька стал переминыться на весах. Было заметно: волнуется. При росте 190 сантиметров весить меньше шестидесяти килограммов... Он, конечно, мог предположить, что похудел от больничной пищи и

тамошнего «гуманного» обращения. Но не настолько же! После того, как и на пятидесяти килограммах стрелка так не сдвинулась с места, Лёшенька, шатаясь, сошёл с весов и молча пошёл со склада. Он был в отчаянии. Я не знал, как его утешить.

...Через пару дней выяснилось, что весы незадолго до нашего взвешивания сломались: на них кто-то взгромоздил слишком большой вес.

Как-то, недели через две после очередного возвращения Лёшеньки из больницы, был у нас в транспортном отделе аванс (или получка – точно не помню). Рядом с кассой, как обычно, толпилось человек тридцать грузчиков, шоферов и слесарей. Все, как водится, пытались получить деньги как можно скорее и безо всякой очереди. Мат-перемат, периодически вспыхивающие потасовки, крики «куда прёшь!» с красочными прибавлениями. Человеку, к напиткам непривычному, близко к этой публике лучше было не подходить. Лёшенька принёс стул, поставил его метрах в десяти от окошка и периодически двигался вместе со стулом по направлению к кассе. Его не задевали, не трогали. К людям со странностями, с официальной «справкой из дурдома» наши мужики относились с опаской, но не агрессивно. Считалось, что если такой убьёт, то ему всё равно ничего не будет, разве лишний раз пару месяцев в больнице на всём готовом полежит.

А Лёшенька сидел на своём стуле и, блаженно улыбаясь, что-то повторял. Я подошёл поближе и услышал: «А хорошо у вас тут!»

Как по-домашнему уютно казалось ему у нас после Сербского...

ДИМКА ПЕТРУШИН

С Димкой мы часто ездили то в Клин, то в Рязань, то по московским вокзалам. Я всегда просил у диспетчера Ирины Гаврилиной, чтобы мне дали именно этого водителя, а если он был занят – Траливали или Сашу Чудного. Ездить с Петрушиным было одно удовольствие. Водил он польский грузовой фургон «Жук» виртуозно, Москву знал, как свои пять пальцев. Ещё Димка мастерски играл в настольный теннис – теннисный стол стоял у нас в отделе в комнате отдыха. Обыграть его на моей памяти никому не удавалось. И в домино, особенно в «креста», играл здорово.

Он был из наших – из дезертиров. В «ящик» его заставило пойти органическое неприятие муштры вообще и «хождения в сортир строем» в частности.

Как-то мы ехали с Димкой в Клин, везли туда какие-то ящики. День был морозный, градусов двадцать ниже нуля, но светило солнце. Димка пел песню с незамысловатыми словами: «На реке Сестре могучей / Стоит город Клин вонючий».

Что правда, то правда: запах сероводорода в Клину ощущается почти везде. Но вдохнуть его полной грудью нам на этот раз не довелось.

Метрах в двадцати впереди нас шёл грузовик ЗИЛ-130. Между его двойными задними колёсами с бешеной скоростью вращался увесистый булыжник. Димка несколько раз пытался обогнать грузовик, но всякий раз ему что-то мешало. Указав мне на булыжник, Димка сказал: «Вот кому-то повезёт!»

Именно в этот момент, словно снаряд из пращи, камень выскочил из-под колёс грузовика и врезался в лобовое стекло нашей машины. Не знаю, каким образом Димке удалось остановить машину на обочине. Всё лицо его было в крови. Хорошо, что он носил очки, а то остался бы без глаз. Руки Димки были тоже изрезаны. Посекло осколками стекла и меня. Поменьше, чем Петрушина, но тоже не слабо. Надо сказать, что лобовые стёкла в польском «Жуке» мало чем отличались от обычных, оконных, и порезаться ими можно было запросто.

Когда мы пришли в себя и осмотрелись, выяснилось, что, кроме лобового, булыжник пробил и стекло, ведущее в грузовой салон, пробил также и стекло задней двери «Жука» и вылетел наружу.

До Клина оставалось километров пятьдесят. Примерно столько же было и до Москвы. Ехать без лобового стекла в такой мороз с кровоточащим лицом и иссеченными руками в Клин было невыносимо. Вообще невозможно было куда-то ехать – боль от морозного воздуха

была невыносимой. Но и оставлять машину посреди дороги с тяжеленным и, вполне вероятно, секретным грузом, который стоил не одну тысячу тогдашних рублей, было нельзя.

Димка был абсолютно спокоен. Одно мучило его – где теперь взять лобовое стекло для «Жука»: поляки не очень охотно поставляли в СССР запчасти для своих автомашин.

Решили ехать в Москву. Обмотали лицо и руки Димки бинтами из аптечки, на те же цели была пущена его рубашка.

Останавливались каждые три – четыре километра, чтобы хоть немного согреться и прийти в себя. С трудом помню, как доехали до родного отдела.

Пожалуй, это был единственный в моей жизни раз, когда я пил водку, абсолютно не пьянея, когда тепло от выпитой водки так блаженно согревало.

А Димка уже через пару дней играл в настольный теннис. И никто не мог его обыграть.

...Примерно через год после этого случая Димку положили в больницу. В отделе поползли слухи, что у него рак крови. К сожалению, слухи оказались верными.

Димка появился в нашем отделе месяца через три. Он страшно изменился. Был каким-то жалким, потёртым, ко всему равнодушным. Но больше всего меня поразили его глаза: в них колыхалась неизбывная боль и тоска.

Он вошёл в комнату отдыха. Кто-то из мужиков предложил ему сыграть в «креста». Димка сел за стол, попытался взять в руки доминошные фишки, но они вываливались у него из рук. Тогда мы вложили фишки в коробочку из-под домино и поставили её перед Димкой, чтобы он видел фишки. Но пальцы его не слушались и не могли зацепить ни одну из доминошин. Димка виновато посмотрел на нас, а потом с трудом поднялся, сказал: «Мужики, доиграйте кто-нибудь за меня!» – и вышел.

Больше я его не видел.

НЕЗНАЙКА

До того, как попасть в транспортный отдел, Пётр Борисович служил в армии. Дослужился до подполковника. К нам он пришёл на должность инженера по технике безопасности.

Кличку «Незнайка» Пётр Борисович получил из-за цветастого широкого галстука, в котором он неизменно в течение нескольких лет появлялся на работе. Кроме того, своё прозвище этот деятель, один из четырёх наших «петь», оправдывал ещё и тем, что почти на любой вопрос, связанный с этой самой техникой безопасности, отвечал стереотипно: «Не знаю».

Незнайка очень любил рассказывать случаи из своей армейской жизни. Их было немного: три – четыре. Поэтому каждую из этих историй все в нашем отделе давно знали наизусть, но исправно делали вид, что слушают их впервые. Особенно часто Незнайка рассказывал такое: «У нашего командира полка сломалась служебная машина. Её поставили на яму. На следующий день командир вызвал своего помощника и велел ему узнать, исправна ли его машина и можно ли на ней ехать. Тот приходит и рапортует: «Товарищ полковник! Автомашина технически неисправна, но ехать на ней можно!»

При этом всякий раз Незнайка разражался самым искренним и жизнерадостным смехом.

Взяли Незнайку к нам на работу в первую очередь потому, что к тому времени безнадёжно устарели инструкции по технике безопасности для работников транспортного отдела. Эти самые инструкции должны были раз во сколько-то там лет обновляться.

Начальник отдела – Кирилл Гаврилович Барыгин, по кличке Гаврила, он же КГБ, – в первый же день после выхода Незнайки на работу вызвал его и поручил написать новые инструкции. Незнайка никогда ничем подобным не занимался и спросил:

– А как их писать-то?

– А вы сходите в магазин «Автомобильный транспорт» и купите там книгу с типовыми инструкциями по технике безопасности для работников транспортного отдела, – посоветовал начальник.

Незнайка так и поступил. Он принёс книжку с инструкциями в машбюро нашего института и попросил перепечатать – «от сих до сих». Немного – страниц двести. Ему в машбюро объяснили, что все документы они перепечатают только с рукописи.

Незнайка немного приуныл. Но ненадолго. Уже на следующий день он засел за переписывание инструкций. Каждый желающий мог видеть, как Незнайка с восьми утра до пяти часов вечера упорно отрабатывает свой нелёгкий хлеб. Этот титанический труд занял у него почти полгода. Кипа исписанной бумаги росла с каждым днём. На вопрос Барыгина: «Как идёт работа над инструкциями?» – Незнайка неизменно отвечал: «Не покладая рук и ног». Видимо, он намекал на то, что, кроме рук, подключил к процессу переписывания ещё и ноги.

Когда 200 страниц печатного текста слово в слово были переписаны, Незнайка снова пошёл с ними в машбюро. Но и на этот раз печатать его труды капризные тётки не захотели. У них, мол, есть приказ – печатать только те инструкции, под которыми стоит подпись начальника соответствующего отдела. В данном случае – Барыгина.

Незнайка понёс свои труды на подпись к Кириллу Гавриловичу. Но начальник своей подписи не поставил, а выпроводил инженера по технике безопасности со скандалом: «Вы, мол, Пётр Борисович, просто переписали типовые инструкции, а их нужно было изменить применительно к нашим условиям. У Вас в инструкциях написано то, чего в нашем транспортном отделе никогда не было. А то, что у нас имеется, в Ваших инструкциях не учтено. И вообще непонятно, чем это Вы занимались всё это время!»

Нужно было видеть Незнайку в эти скорбные дни. Он осунулся, как-то внутренне потух, перестал даже рассказывать историю о полковнике и технически неисправной машине, на которой, однако, можно ехать.

Но воинская закалка и чувство долга вернули его к жизни. Незнайка снова засел за свой эпохальный труд. И он, надо отдать ему должное, сделал всё, чтобы наши конкретные условия были учтены в его инструкциях.

При следующем ознакомлении с незнайкиным творчеством Барыгин в его инструкциях, кроме всего прочего, прочёл следующее: «Категорически запрещается переезжать на машине через текущий расплавленный металл». Был в этих бумагах и ещё более странный пассаж: «Находясь на военных объектах, при подаче машины назад, водители должны быть особенно осторожны, чтобы не опрокинуть машину в ракетную шахту».

«Пётр Борисович! Откуда взялись «раскалённый текущий металл» и «ракетные шахты?» – по рассказам нашей секретарши Таньки-Карманный-Вариант кричал начальник на Незнайку. А тот, вытянувшись в струнку, спокойно и с достоинством рапортовал: «Всё сделано, как Вы велели! Типовые инструкции исправлены! Применительно к нашим условиям!»

– А откуда там взялся «текущий расплавленный металл»?

– А вдруг нашего водителя пошлют на металлургический комбинат!? А он и знать не знает о том, что нельзя переезжать через текущий металл!

– Вы что же, думаете, что все наши водители – идиоты?

– Идиоты – не идиоты, а в инструкции по технике безопасности всё должно быть учтено и прописано!

– И про шахты межконтинентальных ракет?

– И про них!

– Что, к этим шахтам так легко и просто можно подъехать на машине, и они круглосуточно открыты? Я уж не говорю о том, что наш институт никакого отношения к этим самым шахтам, как и к металлургическим комбинатам, не имеет!

– А вдруг будет иметь! И вдруг эти шахты забудут закрыть?

– Пётр Борисович! У Вас в инструкциях чуть ли не на каждой странице – подобные глупости! Даю Вам ровно месяц. Меня и так постоянно терзает главный инженер института, спрашивает, когда же будут готовы инструкции? Если через месяц инструкций не будет, в очередной отпуск вы не пойдёте! И вообще мне придётся поискать другого инженера по технике безопасности!

Незнайка обещал всё сделать к сроку. Работал он в полном смысле слова и день и ночь. Без праздников и выходных. Оставался после работы. Брал работу на дом.

И инструкции были готовы вовремя. Пётр Борисович убрал из них «расплавленный металл», «ракетные шахты» и ещё кое-какие – самые выдающиеся – «перлы». Начальник отдела с облегчением, почти не читая, подписал эти многострадальные листы. Машбюро приняло в работу незнайкин труд. Тот едва ли не каждый день навещался к тамошней начальнице, носил ей шоколадки и коробки с шоколадными конфетами, которые тогда были в дефиците, и просил ускорить процесс. Машинистки работали сверхурочно, даже в выходные дни печатали инструкции за удвоенную плату. Незнайка проявил военную смекалку, нажал на все мыслимые и немыслимые кнопки: очень уж в отпуск хотелось.

Наконец – торжественный день: инструкции были напечатаны.

Оставался последний этап. Инструкции перед тем, как отпечатать их в типографии тиражом пятьсот экземпляров, нужно было подписать у высшего начальства: у главного инженера института и у директора. Всего надо было собрать семь – восемь подписей. Незнайка носился как угорелый от одного начальника к другому. Не успевал покупать шоколадки и коробки конфет для секретарш институтского генералитета.

Начальники, не читая, подписывали. Ну, скажите, какому нормальному человеку, к тому же по-настоящему занятому, придёт в голову читать инструкцию по технике безопасности какого-нибудь стропальщика или распределителя работ транспортного отдела?

Подписав инструкции у всех, кроме директора, Незнайка с чувством выполненного долга отбыл в отпуск. Считалось, что, если главный инженер института документ подписал, – директор подпишет его точно.

Единственным, кто решил выяснить, под чем же он ставит свою подпись, оказался именно директор.

В один прекрасный день он пригласил к себе Федю Зелинского, который в отсутствие Барыгина исполнял обязанности начальника нашего отдела, и спросил того:

– Фёдор Яковлевич, Вы подписывали эти инструкции?

– Да, – отвечает тот, – подписывал.

– А Вы их читали?

– Конечно!

– Тогда объясните мне, пожалуйста, что означает эта фраза из инструкции по технике безопасности такелажника: **«При укладке грузов и катно-бочковой таре в несколько рядов их накатывать по слегка или покато боковой поверхностью бочки и жидким грузом. Устанавливать пробкой вверх».**

Бедный Федя долго «бекал» и «мекал», но перевести эту загадочную фразу с «незнайкинского» языка на русский так и не смог. Особенно сложно было ему объяснить, что это такое – «по слегка»: понемногу, что ли? А директор не унимался и приводил всё новые примеры Незнайкиных «перлов» из той же инструкции: «Не грузить горячие грузы в горячие кузова».

«А что, – ехидно спрашивал директор, – значит, холодные грузы в горячие кузова грузить можно? И почему это у Вас в инструкции для шоферов написано, что «при выезде на линию необходимо взять с собой путевой лист и настоящую инструкцию»? Что, значит, ни прав, ни техталона, ни других документов при выезде на линию брать не нужно? А с какой стати, скажите мне, пожалуйста, «начальник транспортного отдела по окончании работы должен вымыть автомашины и сдать их дежурному механику»? Ему что, больше делать нечего, Вашему начальнику?! И чем в таком случае должны заниматься в это время водители? В домино играть, что ли, или водку пить? И как понять вот такую загадочную фразу: «Заливать в бензобак бензин *потом* категорически запрещается»? А носом, значит, можно? И вообще – какой идиот начнёт заливать бензин в бензобак потом?»

Директор постепенно наливался кровью. Стёкла очков его запотели, в голосе звучал металл. Тон его, сначала ядовито-ехидный, постепенно становился гневно-обличительным.

Больше всех остальных потряс директора пассаж из той же инструкции для такелажников: **«Круглые грузы следует кантовать, а квадратные катить»**. А он-то, хотя и был доктором физико-математических наук, по наивности всю жизнь полагал, что как раз наоборот – квадратные нужно кантовать, а уж круглые – эти катить!

Федя не знал, как вырваться из кабинета въедливого директора. В отдел он вернулся злой, красный и потный.

Пригласил в свой кабинет меня и ещё одного страдальца из нашего же отдела, закончившего в своё время МАДИ, рассказал о разговоре с директором и резюмировал: «Мужики, выручайте. Пока этот идиот Незнайка в отпуске, нужно довести инструкции до ума, иначе мне головы не сносить. Хрен с ним, с Незнайкой, меня пожалейте!».

И мы пожалели и выручили. Работали как проклятые. За две недели «вычистили» всё, что возможно. По ходу дела перевели с «незнайкинского» на русский ту самую загадочную фразу про «по слегка». Оказалось, ничего особенного: катно-бочковую тару при погрузке в несколько рядов нужно закатывать на машины по **слегам или покатам**. Это штуки такие деревянные.

Инструкции по просьбе Федеи опять, хотя и со скандалом, перепечатали в машбюро, благо, не всё подряд пришлось переделывать. Федя сам бегал – подписывал инструкции у тех же начальников. Те снова, не читая, подписывали. Подержав у себя инструкции пару дней, поставил свою подпись и директор.

...День, когда инструкции, ещё пахнущие типографской краской, привезли в институт, запомнился нам с Федей навсегда. Открыв инструкцию для такелажников, мы прочитали: **«При укладке грузов и катно-бочковой таре в несколько рядов их накатывать по слегка или покатам боковой поверхности бочки и жидким грузом. Устанавливать пробкой вверх»**.

Невероятно, но факт. Каким-то непостижимым образом вместо выправленных, «вменяемых» инструкций в типографию отвезли те самые, «незнайкинские», с «горячими кузовами», «ротом», «по слегка», квадратными грузами, которые нужно катить, и напоминанием нашему начальнику, что после окончания работы он обязан вымыть автомашину и сдать их дежурному механику.

Несколько лет после этого наши мужики – особенно грузчики и автослесари – осведомлялись у начальника: «А Вы, Кирилл Гаврилыч, уже все автомашины помыли? Давайте-давайте, пора сдавать, дежурный механик заждался». Феде доставалось тоже.

Что до самих инструкций, они сразу же стали супербестселлером транспортного отдела. В отделе, кроме газет, почти никто ничего не читал. А тут комната отдыха превратилась в «избу-читальню». Читали, конспектировали инструкции, смаковали особо удачные места. Их помнили буквально наизусть, цитировали с любого места, а, завидев Незнайку, в несколько голосов нараспев цитировали: **«При укладке грузов и катно-бочковой таре в несколько рядов их накатывать по слегка или покатам боковой поверхности бочки и жидким грузом»**. И эффектно, с расстановкой заканчивали: **«Устанавливать пробкой вверх!!!»**

Незнайка, слыша эту фразу, вздрагивал, втягивал голову в плечи и прибавлял шаг.

А вслед ему несло: **«Круглые грузы следует кантовать, а квадратные катить!!!»**

КОЛЯ СИЗОВ

...Когда в нашем отделе случалось что-нибудь экстраординарное, наш начальник, Кирилл Гаврилович Барыгин, как правило, вызывал меня в свой кабинет. Я, будучи гуманитарием, к тому же человеком пишущим и машинописное дело знающим, мог составить и напечатать грамотный и внятный ответ на всевозможные «телеги» на наших работяг. «Телеги» эти частенько приходили в транспортный отдел из различных отделений милиции всей нашей необъятной родины.

То водитель Погорелов в пьяном виде вышибет ночью ворота на объекте института в Джекказгане и скроется в неизвестном направлении. То в городе Истра Московской области

на площади Ленина, прямо напротив памятника вождю мирового пролетариата, будет задержан водитель Дряничев, справлявший малую нужду под колёса своей машины. То Мишаню Желобнюка «повяжут» в Москве в пешеходном подземном переходе, в котором он пытался скрыться от сотрудников ГАИ на своём «козле» (УАЗ-469). Как утверждал тогда Мишаня, его бы ни за что не поймали, если бы он смог забраться на своей машине наверх. Вниз он спустился запросто.

Но такую «телегу», как эта, мы, выдавшие виды, получили впервые.

Начальник положил передо мной бумагу со штампом отделения милиции и задумчиво изрёк: «Или я чего-то не понимаю, или бумага составлена неграмотно. Я её три раза прочёл, но всё равно ничего не понял!»

В бумаге было изложено примерно следующее: такого-то числа такого-то года такелажник транспортного отдела Сизов Н.С. в пьяном виде совершил нападение на собаку гражданина такого-то и нанёс ей множественные укусы. При этом он грязно ругался и угрожал собаке расправой. А в конце – как обычно в таких случаях: «Просим разобраться в данном возмутительном факте и применить к вашему работнику меры административного воздействия».

– Ты что-нибудь понял?

– Кажется, понял. Коля искусал собаку. И ещё он при этом ругался и угрожал ей.

– А ты ничего не перепутал? Собака искусала Колю или Коля – собаку?

– В бумаге сказано, что это именно Коля напал на собаку. К тому же собака ругаться не может.

Сизова срочно вызвали к Барыгину. Коля вошёл без стука, хмурый, заспанный. Видимо, его только что подняли с одного из наших продавленных диванов, что стояли в комнате отдыха. На его лице без труда можно было прочесть: «Ну, и чё те, козлу, надо?»

Коля стоял у двери и молчал. Низкорослый, узколобый, смотрящий на мир и на людей исключительно исподлобья, он (как я сейчас понимаю) очень походил на актёра Владимира Толоконникова, снявшегося в роли Шарикова в фильме «Собачье сердце».

– Коля, мы тут с ним (начальник указал на меня) поспорили: кто кого искусал? Ты собаку или она тебя?

– Чтоб меня собака... Да я ей, блин, всё на хрен откушу, если она меня укусит!

– Коля, ты что, с ума сошёл, что на собак стал кидаться?

– Я-то как раз в порядке. А чё она?.. Шёл я мимо забора, а эта падла на меня: «Гав-гав-гав, гав-гав-гав». Я ей раз по-хорошему сказал: «Замолчи, на хрен». А она опять: «Гав-гав-гав, гав-гав-гав». На понт хотела взять!

– Коля, ты что, не понимаешь, это же собака? Поэтому она на тебя и лаяла!

– Я понимаю, что собака! Так я ей русским языком сказал: «Замолчи, падла!» А она не слушает! Лает!

– Коля! Я тебе ещё раз объясняю. Она – собака, а ты человек. Она не понимает, но ты-то должен понимать!

Коля на миг задумался, а потом уверенно сказал: «Нет, начальник. Я всё по уму сделал. В следующий раз будет, профура, знать, как на меня лаять!»

– Коля, – продолжал допытываться начальник, – ты один был или с кем-то?

– С корефаном я был.

– Что за корефан?

– Волчок!

– Позвать сюда Волкова!

Волков, бригадир грузчиков, тот самый, у которого было «нисшье образование», явился довольно быстро. Он с Виталием Савичем Семенковым попеременно командовал «вшивой командой» – такелажниками, подсобными рабочими и стропальщиками. Проще говоря – грузчиками. Когда в очередной запой входил Волков, его временно заменяли Семенковым. Потом, когда входил «в штопор» Семенков, «рокировка» происходила в обратную сторону.

Если в запое были оба, обязанности бригадира исполнял Пётр Петрович Соломатин, один из четырёх наших «петь».

Хмуро поздоровавшись с нами: «Привет легкотрутням!» – бригадир уставился на начальника. Для всех, кто работал в транспортном отделе, это приветствие Волчка стало настолько привычным, что никто не обижался. Этот мужик, огромный, угрюмый запойный пьяница, всех, кто не перетаскивал грузы, то есть не был занят тяжёлым физическим трудом, называл «легкотрутнями». Думаю, Волчок сам не очень-то понимал значение этого слова. Во всяком случае, не вкладывал в него негативного смысла.

– Николай Иванович! (именно в этот момент я узнал, как зовут Волчка!) Расскажите, пожалуйста, что там у вас с Сизовым произошло?

– Да чего произошло. Это самое, так, шли мы с ним после работы из пивной, проходили, это самое, так, мимо забора. Рядом со стадионом «Динамо» знаете деревянные дома с заборами? И тут эта сямка гавкать на нас начала. Коля ей раз сказал, два сказал, а она, тварь, всё лает и лает. Ну, это самое, так, он через забор полез, – и на неё. Я его за штаны держал, но он вырвался. Эта, гавкалка, от него – в будку. Коля – за ней. Та визжать начала. Тут хозяин из дома выскочил, стал орать, Колю за ноги из будки вытаскивать. Тот сначала упирался, но потом, это самое так, он его всё ж таки вытащил. У Коли – весь рот в шерсти. Он потом всю дорогу до метро плевался. Хозяин собаку кличет, а та визжит в своей сраной будке и не вылезает. Вот, это самое, так, и всё.

– А что за собака? Дворняжка какая-нибудь?

– Фуяшка! Дворняжка... А немецкая овчарка не хочешь?

Не знаю, в чём была причина бегства собаки от такелажника Коли: то ли она не ожидала, что это чудовище на двух ногах бросится на неё, то ли ругань, которую тот изрыгал, так её напугала, то ли «выхлоп» изо рта Коли был для её тонкого нюха непереносим. Но факт остаётся фактом: ужас Коля на собаку навёл неописуемый.

Ругался Коля, впрочем, как и другие грузчики, постоянно. Правильнее сказать, он **не говорил** в полном смысле этого слова, а именно изрыгал из себя сплошной словесный шлак. Есть такая болезнь. Когда центры высшей нервной деятельности человека поражены, резко уменьшается его словарный запас. В нём остаётся в основном ругань.словно мусор на дне реки. Чего удивляться! Коля перенёс не одну и не две белые горячки.

Бывало, привезёшь в институт какие-нибудь ящики, оставишь машину около склада, приходишь в комнату отдыха к грузчикам. Если они ничего нигде не разгружают, – то играют в домино или спят. Так вот, зайдёшь в комнату отдыха и скажешь: «Мужики, пошли ящики разгрузать!» Ни один (кроме Лёшеньки, Вани Лоскуткова, если он в это время не «сидит» да ещё Коли Большого) на этот текст обычно не отзывались. «У ней, – как писал Пушкин о своей Татьяне, – и бровь не шевельнулась, не сжала даже губ она, хоть он глядел куда прилежней...»

Тут два варианта: или идти разгружать ящики самому, а этого делать не хочется, да и не платят за это, или – переключаться с обычного, общеупотребительного русского языка на матерный или на лагерную феню. Текст, который я произносил в этом случае, приводить не буду, но фраза была заковыристая, витиеватая, десятиэтажная. Мы её с Колей Большим и Лёшенькой вместе сочиняли. Количество «этажей» я подсчитывал. После такого приглашения мужики, нехотя и почёсываясь, поднимались с диванов и покорно шли за мной к складу.

Сизов был знаменит в нашем отделе ещё и тем, что всем был должен. Думаю, и пяти жизней не хватило бы ему, чтобы расплатиться с долгами. После того, как жена в очередной раз отправила Колю на пару лет в ЛТП, в течение полугода к нам приходили люди из других отделов и спрашивали такелажника Сизова. Как выяснилось, он наделал долгов по всему «ящику». Пил он не то что не просыхая, а безостановочно. Что называется, «с двух рук» и «в три горла».

Правда, однажды, допившись до очередной белой горячки, Коля на неделю «завязал». Даже рубашку себе новую купил – цветастую, из дешёвеньких. За пять рублей. Наши

транспортные дамы живо обсуждали Колину обнову. До сих пор помню говорок нашей секретарши – Таньки-Карманный-Вариант, названной так за миниатюрность: «Не пьёт, не пьёт, и рубашку купил!»

Как-то раз, зимой, я встретил Колю в пятницу после получки. Несмотря на то, что на улице было очень холодно, Коля дефилировал в своём демисезонном пальтишке нараспашку. С каждой стороны из карманов высовывалось по три бутылки по 0,8 с дешёвым вермутом. В народе такие бутылки тогда называли «огнетушителями».

- Коля, – поинтересовался я, – куда тебе столько бормотухи?
- Как куда? Пить!
- А много вас пить собирается?
- Я один!
- Ты что же, на все выходные запасся?
- На какие на хрен выходные! Мне это, бля, на вечер.

Очень хорошо помню, как однажды Барыгин в разгар рабочего дня застукал Сизова за тем, что тот в раздевалке пил винище из горла, и потребовал, чтобы Коля написал объяснительную записку.

Тот объяснительную написал. Я читал этот уникальный документ. С невероятным количеством ошибок Сизов Н.С. писал о том, что он в рабочее время не пил, а всего лишь «лечился». «Я не пил, а принял дозу», – эту фразу из Колиной объяснительной я запомнил навсегда.

Премии Колю «за распитие спиртных напитков в рабочее время» всё-таки лишили. Он долго возмущался, хотел даже в профсоюз жалобу написать на действия начальника. «Ну, как этому Гавриле, козлу, объяснить, какая разница между «пить» и «принять дозу»? Ведь если я, бля, не заправлюсь, как я, на хрен, работать буду?» – негодовал Коля.

Сизов, как почти все пьяницы, был человеком везучим. Однажды вместе с Волчком и Виталькой Семеновым он ехал в кузове автомашины ГАЗ-66 на аэродром разгружать какие-то ящики. Этих самых ГАЗ-66 – грузовых машин с высоким кузовом, накрытым брезентовым тентом, – в нашем гараже было штук пять.

Грузчики ехали, разумеется, не стрезва, в дороге ещё несколько раз добавляли. В какой-то момент Коля почувствовал, что ему срочно нужно отлить. Но сделать это было непросто – скорость машины была километров под восемьдесят, дорога – неровная, и вывалиться наружу от любого толчка можно было запросто. Делать нечего – приходилось терпеть. Волчок мрачно шутил, предлагая Коле «завязать узлом» причинное место.

Наконец машина остановилась. Коля встал, подошёл к заднему борту, слегка приподнял тент, зажурчала влага. В этот момент водитель Коля Иванов, не зная, что там сзади него в кузове поделявает гоп-компания, резко дал по газам. Иванов, по кличке Джигит, очень любил это дело – рвануть со светофора первым. Это было для него особого рода «спортом». Машина взревела, взяла с места в карьер, и Коля Сизов, как парашютист, молча вывалился за борт. Волчок и Семеновым вскочили с ног, стали, матерясь, стучать по кабине водителя. Машина остановилась.

Когда Волчок и Семенов подняли тент, их взору предстала чудная картина: Коля Сизов как ни в чём не бывало стоял посреди шоссе и продолжал начатое в кузове «мокрое» дело. Шоссе было совершенно пустынно. Справляя малую нужду, Коля грязно ругался.

В другой раз он с водителем Витькой Тупицевым и Тремя-Петями поехали на самосвале ЗИЛ-555 за песком. Загрузились. Песка накидали немного – половину кузова. В кабине Сизова развезло, и он начал «метать харчи». Что прикажете делать? Тупицев с Тремя-Петями, недолго думая, взяли Колю за руки – за ноги и забросили в кузов. Чего, мол, с ним там будет? Было начало ноября, слегка подмораживало.

Приехали они в институт около трёх часов дня. Тупицев и Три-Пети о Сизове совершенно забыли. Тупицев сыграл пару партий в домино и в пять часов ушёл домой. За ним начал чертить свои циркульные кривые по направлению к проходной и Три-Пети. А часов в шесть вечера выяснилось, что песок срочно нужен и что его необходимо ссыпать около корпуса А-

5. Там почти круглосуточно шло какое-то строительство. Для него-то как раз песок и привезли. Машину пошёл заводить Лёша Поликарпов, автокрановщик, один из немногих водителей, оставшихся в отделе. Подогнал машину к месту, поднял кузов самосвала. Посыпался песок. Но, как ни странно, высыпалось его совсем немного. Поликарпов, как это обычно в таких случаях и делалось, взял штыковую лопату, чтобы устранить «засор». Лопата упёрлась во что-то мягкое. Это «что-то» как-то странно возилось и пыхтело. «Крыса, что ли?» – подумал Лёша.

Не поленился – пошёл за фонарём. Кузов решил пока не опускать.

Направив свет фонаря на «крысу», он увидел сонное, сизое от холода лицо Коли Сизова. Тот матерился, закрывал лицо от света, силился встать, но почему-то сделать этого не мог. Лёша опустил кузов самосвала, залез в него. Коля продолжал барахтаться на дне кузова, лёжа на нём спиной.

Оказалось, что он попросту примёрз ко дну самосвала. Ничего удивительного. На улице был лёгкий морозец. Колю же, после того как его забросили в кузов, по меткому выражению Венички Ерофеева, «тошнило со всех сторон».

Не без труда, порвав Колины штаны и ватник, Поликарпов его от кузова «отклеил».

Наутро, когда Лёша под общий хохот рассказывал эту историю во время традиционного перекура перед началом рабочего дня, а Тупицев рвал на себе волосы: «И как это я про Колю забыл?! Ещё «склеит ласты» от воспаления лёгких! Засудят тогда!» – из проходной вышел Коля. На его лице играл румянец. Настроение у Сизова Н.С. было отличное: он уже успел перед началом работы опрокинуть пару кружек в пивной неподалёку. Та открывалась в семь утра.

Ни кашля, ни насморка, ни тем более температуры с «воспалением лёгких» у него не было. Новую телогрейку и ватные штаны в этот же день он выпросил на складе.

С Колей связано ещё одно незабываемое воспоминание. Как-то зимой я стоял около магазина и ждал своих товарищей, бившихся в винном отделе в очереди за водкой. Неподалёку от магазина располагалось деревянное сооружение типа сарая – пункт приёма стеклотары. Дорожка, ведущая к заветному окошку, была превращена мальчишками в каток. Пройти по ней к этому самому пункту не то что пьяному, но и трезвому было сложно. Тем более что прямо перед пунктом был небольшой подъёмчик. Кстати, чтобы не забыть. У нас в отделе сдача бутылок называлась просто, поэтично и точно: «отчёт о проделанной работе».

Но кто-то всё же пытался пройти эти непреодолимые двадцать метров. Я не сразу узнал его. Это был Коля. В руках Сизов нёс авоську с пустыми бутылками. Через каждые два – три метра он скользил и падал. Бутылки вываливались из авоськи и катились в разные стороны, в основном вниз. Коля, матерясь, ползал за ними на карачках, запикивал скользкие стеклянные ёмкости в авоську и продолжал движение к приёмному пункту.

Ждал я своих приятелей долго – минут двадцать. И всё это время продолжалась борьба Коли со льдом, подъёмом, земным притяжением и бутылками. Не думаю, что за всё это время он хотя бы на метр приблизился к заветной цели. Скорее – наоборот, несколько отдалился от неё. Его движение как бы воплощало знаменитую ленинскую формулу «один шаг вперёд – два шага назад».

Помочь Коле никто не пытался. Честно признаюсь, я тоже. Единственное, что я мог сделать для него, – это предупредить, что на окошке приёмного пункта приколота бумажка с безграмотной надписью: «Преёма пасуды нет!»

Я сказал об этом Коле. Он мне не поверил.

КОЛЯ БОЛЬШОЙ

В отличие от многих, Коля пришёл в отдел со своей собственной кличкой – Большой. Точнее назвать его было, пожалуй, невозможно. При росте почти два метра он весил килограммов сто. Причём жира у Коли почти не было. Я до поры до времени не вполне осознавал, как он огромен. Но однажды Коля побывал у меня дома. Глядя на то, как он

задевает головой люстру и нагибается, проходя в дверные проёмы, я в полной мере ощутил, насколько его много.

Он, как и Лёшенька, был моим другом. Кстати говоря, с Лёшенькой они были знакомы давно: вместе учились в Картографическом техникуме. Лёшенька подрабатывал там в гардеробе. Большой подтрунивал над ним: «Он раньше подавал надежды, теперь – одежду подаёт». Вместе их из этого техникума и вышибли – за академическую неуспеваемость.

Большой органически, всеми фибрами души, не переваривал армию. Говорил, что он – «убеждённый баптист, хотя по вероисповеданию – православный».

Большой обожал «месить», то есть придумывать разные смешные слова и истории. Каламбурил он неподражаемо, без конца выдумывал различные смешные словечки: станция метро «It's my love-ская», Никаранигуа, сутуловище, плащ-пилотка... Разыграть мог что угодно и кого угодно.

Вкусы на поэзию у Большого и Лёшеньки совпадали. Собравшись вместе, мы подолгу могли цитировать стихи Левитанского, Кушнера, Горбовского, Арсения Тарковского.

Большой тусовался с ребятами из модной тогда команды «Альянс», был у них осветителем и звукорежиссёром. Песни этой группы частенько крутили тогда по нескольким каналам телевидения. Я в своё время написал для «Альянса» несколько текст~~ов~~ (их словечко).

Как-то после концерта мы с Большим тащили на пятый этаж дома, в котором находилась база «Альянса», басовую колонку. Колонка была очень громоздкой и тяжёлой, даже для Большого. На четвёртом этаже силы у нас кончились, и мы решили пару минут передохнуть. Поставили колонку на перила. И тут меня «понесло»: я запел на мотив популярной тогда песенки «Серёжка ольховая» из фильма «И это всё о нём...» на ходу сочинённый экспромт:

Колонка басовая, лёгкая, словно пуховая,
Но тронешь её, и рассыплется жизнь, как мираж.
И кажется: жизнь не такая уж вещь пустяковая,
Когда поднимаешь её на четвёртый этаж.

Большой, не ожидавший от меня такой прыти, стал истерично хохотать. Колонка опасно заколыхалась над лестничным проёмом. В какой-то момент я был уверен, что она сейчас рухнет вниз, на головы ребят из «Альянса». Те почему-то задержались на площадке первого этажа. Я пытался хоть как-то выровнять колонку. Куда там! А Большой всё хохотал и хохотал.

Я уже десять раз пожалел о том, что решил позабавить Колю «Колонкой басовой». Слава Богу, колонка не рухнула. Мне удалось каким-то чудом поставить её на ступеньки. По моему, я даже её не поцарапал.

...Вышел очередной сборник стихов Юрия Левитанского – «День такой-то». Дело было летом. Я уговорил кого-то из наших водителей свозить меня в «Дом поэзии». Это был едва ли единственный в Москве магазин, в котором можно было купить хорошие стихи современных поэтов.

До сих пор помню, как я радовался, купив последние 3 книги Левитанского: одну себе, другую – Лёшеньке, третью – Большому. Лёшеньке книгу я подарил сразу, как только вернулся, а вот с подарком Большому пришлось повременить.

В этот день, в пятом часу вечера, Большой с водителем Юрой Павшиным ехал на заправку на машине «ЗИЛ-130». На дороге Колька не смотрел.

Вдруг, в какой момент, Юра почувствовал, что машина не слушается руля. Её неудержимо тянуло влево, на встречную полосу, прямо на рейсовый автобус, битком набитый людьми. Скорость у грузовика была небольшой – километров 60 в час, но в такой ситуации это мало что меняло. Юра выкрутил руль вправо почти до упора – тяжеленная машина продолжала нестись на автобус.

Всё случилось страшно быстро. Большой даже не успел понять, что происходит. До автобуса оставалось метров 40. Вдруг Юрина машина резко рванула вправо, выскочила через бордюр на обочину дороги. Там метрах в десяти друг от друга росли тополя. Машина сбила два тополя – срезала их, как бритвой. Следующим препятствием был бетонный фонарный столб. Грузовик врезался в него, но сразу не остановился, а по инерции взгромоздился на столб – так, что кабина водителя оказалась метрах в пяти – шести над землёй, а потом ухнул вниз.

Правая передняя дверь открылась сама собой, и Большой вывалился наружу. То, что за несколько секунд до этого было Колиным лицом, превратилось в кровавую кашу: пока машина сбивала тополя и взбиралась на столб, Большой бился головой и лицом обо всё, что только можно.

Авария эта произошла прямо напротив здания Тимирязевского райкома партии. Услышав страшный грохот, из двери здания стали выбегать милиционеры, на ходу выхватывая табельное оружие. Во всей видимости, они решили, что это взрыв.

К счастью для Коли, буквально в нескольких сотнях метров от места аварии находилась клиническая больница № 50. В «полтиннике», как её тогда называли. У Юры Павшина, несмотря на аварию, голова работала хорошо. Уже через несколько минут Большой оказался в реанимации. Оказалось, что у Коли только на голове 9 переломов: основания черепа, обеих челюстей, носа... Ещё чего-то. Словом, всё, что можно было сломать, ударяясь головой о лобовое стекло и всевозможные железки внутри машины, Большой сломал.

О переломанных рёбрах и сломанной лучевой кости правой руки нечего и говорить.

Счастьем для Коли оказалось и то, что его старший брат Витька работал в стоматологической поликлинике № 1, от которой до Колькиной реанимации было две минуты ходьбы. К тому же брат Большого очень хорошо знал реаниматоров и хирургов 50-й больницы, пообещал выкатить им ящик коньяка, если те спасут брата. Так что Кольку вытаскивали с того света по-настоящему, всерьёз.

Витька тогда сказал мне, что, как ни странно, такое большое количество дополнительных отверстий, которые Колькина голова получило в момент аварии, спасло его: кровь хлынула не в головной мозг, а наружу.

Юра Павшин дежурил у дверей Колиной реанимации три дня и три ночи, до момента его перевода из палаты интенсивной терапии в общую. Почти все ребята из отдела, и я в том числе, побывали там. Юрка без конца повторял одну и ту же фразу: «Пусть меня посадят, лишь бы Колька выжил».

Мало кто надеялся, что Большой выкарабкается. Но он выжил. Колька потом рассказывал, что, придя в себя в реанимации после нескольких дней отключки, почувствовал страшный холод. Несмотря на то что на улице было очень жарко, Большой замёрз. Он стал звать медсестёр и знаками просить, чтобы они укрыли его одеялом. В ответ он услышал ворчливо-добродушное: «Смотри, какой живучий оказался! Одеяло ему подавай! А если кровью испачкаешь?» Но одеяло всё же дали.

Я видел Большого часа через два после того, как его перевели в общую палату к трём таким же, как он, «красавцам». Лиц в полном смысле этого слова не было ни у одного из них. Как потом выяснилось, одного из соседей Большого по палате на Краснохолмском мосту, прежде, чем ограбить, долго и старательно били то ли втроём, то ли вчетвером. Второй страдалец пытался покончить с собой и выпрыгнул с пятого этажа. Третий в пивной пытался стащить кружку у зазевавшегося завсегда – местного авторитета.

Поэтому ориентироваться пришлось не по лицу, а по габаритам Коли. Когда я приблизился к кровати человека, ступни и щиколотки которого торчали сквозь прутья спинки кровати, и протянул ему книгу Юрия Левитанского, Большой, странно шепелявя, одними губами прошептал, указывая на соседа слева: «Старик, это не я, я – вон тот».

Он даже в такой ситуации продолжал «месить».

В больнице Колька пролежал пять месяцев. Шинирование обеих челюстей делал ему брат Витька. Он, как оказалось, был лучшим в Москве специалистом именно в этой области. Так

что сделал всё, что мог, по высшему разряду. Долгое время Кольку приходилось кормить из трубочки, просовывая её в щель между зубами.

Руку Большого собирали буквально по частям. Гипс в общей сложности держали почти год. Кости никак не хотели правильно срастаться. Их несколько раз ломали и накладывали гипс снова и снова. Ничего удивительного: я видел рентген Колькиной руки. Зрелище не для слабоверных.

Когда гипс сняли, мускулов на правой Колькиной руке почти не было. Гипс к тому моменту, когда его сняли, был красочно оформлен всеми, кто посещал Большого в больнице. Несколько дней он лежал у меня дома, и я показывал его знакомым как произведение искусства, почти антиквариат.

Большой похудел в больнице почти на двадцать килограммов.

Юрка Павшин схлопотал три года «химии» под Малоярославцем. Когда ему удавалось вырваться в Москву, первым делом ехал к Большому.

Колька получил инвалидность – сразу вторую группу. Однако работать ему всё же разрешили. Он и работал ночным сторожем в разных конторах. «Месить», однако, Большой не перестал. Знакомясь с новыми людьми, он представлялся так: Коля Большой, «сторож–виртуоз», уверяя, что за пятнадцать лет виртуозно можно научиться делать всё, что угодно – даже сторожить.

Мы продолжали с ним общаться. Но всё реже и реже. Неожиданно для меня Колька стал набожным, зачастил в церковь, ревностно соблюдал посты, читал духовную литературу. Те, кто был с ним давно знаком, удивлялись этой перемене.

Как-то в доверительном разговоре с ним я спросил о причине такой его перемены. Колька несколько минут молчал, видимо, взвешивая каждое слово, которое собирался мне сказать, а потом, вздохнув, произнёс: «Знаешь, старичок, за те три дня, что я болтался между жизнью и смертью, я кое-что узнал. И это совершенно изменило моё представление о мире».

Тогда я мало что понял из той Колиной фразы. Мне кажется, теперь я понимаю её лучше.

САША ДЕЦИБЕЛ

Мой друг, Коля Большой, обращаясь с Саше Селикову, любил повторять:

– Послушай, Саша, если бы ты участвовал в конкурсе дураков, то занял бы на нём второе место!

– А почему только второе? – жизнерадостно допытывался Саша.

– А потому что – дурак!

Фраза, конечно, не оригинальная, но уж очень точно отражала она ситуацию.

Вообще в нашем отделе было много оригинальных терминов для обозначения различных степеней кретинизма, дебилизма и идиотизма. Одно время глупость измеряли в «шкрабо». По преданию, работал у нас когда-то деятель, по фамилии Шкрабо. Вот и измеряли дебилизм и идиотизм в «шкрабо». Причём «шкрабо» было абсолютной единицей. Можно было претендовать на «0,5» или, скажем, 0,1 «шкрабо», но только не на целое. «Шкрабо» уже в мою бытность сменили «пети».

Потом, после прихода в отдел Коли Большого, единица измерения глупости снова на некоторое время изменилась. Большой предложил следующие три градации: обычного дурака следует называть «дебил»; дурака круглого – «цеденбал», сокращённо – «цедик»; дурака же редкостного, исключительного, в своём роде выдающегося – «децибел»

Так вот, по общему мнению, до «цеденбала» Саша Селиков по своему умственному развитию явно не дотягивал, поскольку был ярко выраженным «децибелом».

Наше с Сашей знакомство состоялось так. Как-то после обеда, по давно заведённой у нас традиции, когда Лёшенька курил свои «Ароматные» папироски в «месте для курения», а я ему «сочувствовал» (у нас это так и называлось – «сочувствуешь», если не куришь, но сидишь рядом с курильщиками), к нам подсел Саша. Первая фраза его была такой: «Когда я был дебилем...»

Мы с Лёшенькой насторожились. В полку наших «петь» явно прибывало. Оставалось лишь выяснить степень Сашиной «петистости». И я решил поддержать разговор: «А сейчас ты уже не дебил?» – «Нет, конечно, я уже года три как дебилизировался!» – ответил Саша. Лёшенька решил уточнить: «А как это – дебилизироваться?» – «А вы что, разве не знаете? Значит, вы в армии не служили!» – «А что, в армии все дебилизируются?» – продолжал допытываться Лёшенька. «Многие! – с уверенностью заявил Саша, затягиваясь. – Ну, некоторых в цинковых гробах грузом «двести» домой отправляют. У нас в полку таких человек десять было. А остальные сначала ходят в «духах» и в «салагах», потом в «шнурках», постепенно дорастают до «стариков», и уж только потом «дебилизируются!»»

Тут я со своим филологическим образованием не выдержал и решил вмешаться в их учёную беседу:

– А ты, друг мой, часом, дембеля с дебилем не путаешь?

– А что, разве это не одно и то же? – простодушно поинтересовался Саша.

– В твоём случае это действительно одно и то же! – подвёл итог нашего лингвистического спора Лёшенька.

Проявил свои «децибелы» Саша почти сразу. Дня через три после появления в отделе Сашу послали на автокране АК-75 разгружать бетонные плиты. Незнайка его со своей стороны проинструктировал, то есть выдал ему инструкцию по технике безопасности для водителей автокранов и заставил расписаться в своём журнале.

Селиков Незнайкину инструкцию, как потом выяснилось, внимательно прочёл.

Вообще на автокране у нас обычно работал Лёша Поликарпов. Он был автокрановщиком от Бога. Артистом. Но в этот день Лёши почему-то не было. А у Саши Селикова права автокрановщика как раз были. Ему их в армии незадолго до «дебилизации» выдали.

Приехали на место. Саша сел за свои педали. Поднял плиту метра на три – четыре. Внизу, под плитой, хотя это было строжайше запрещено, стоял Лёшенька, «майна» – «вира» кричал. И как раз в этот момент в кабине автокрана у великого крановщика земли русской Саши Селикова загорелась лампочка. Лампочка не простая – она сигнализировала о том, что вес груза несколько больше предельно допустимого. По незнайкиной инструкции, Саша должен был немедленно произвести аварийный сброс груза, то есть плиты. Что он и сделал.

Когда к Саше подбежали наши мужики и стали орать, что он чуть не убил человека, тот преспокойно вынул из-под сиденья инструкцию, сочинённую Незнайкой, и заявил: «А у меня здесь, в инструкции, написано, что, если груз больше нормы, то загорится лампочка, и я должен нажать на кнопку аварийного сброса!» – «А о том, что под плитой люди могут находиться, у тебя там не написано?» – надрывался Слава Степанов. «Про лампочку у меня написано, а про людей – не написано!» – абсолютно невозмутимо ответил Саша.

Как Лёшенька успел выскочить из-под плиты – уму непостижимо! Уже потом, дымя своими «Ароматными» папиросками, он рассказывал: «Понимаешь, я совсем забыл, что Лёша Поликарпов в отпуске. А когда вспомнил, что за рычагами «Децибел» сидит, решил на всякий случай из-под плиты уйти. Тут этот идиот её как раз и сбросил!»

Сашу после этого случая от греха подальше пересадили с крана на «ГАЗ-66». Месяца три всё было спокойно. Децибел возил железки и деревяшки. Но мечта реабилитироваться в собственных глазах и вернуться на АК-75 его не оставляла. И когда на объекте в подмосковном Клину срочно понадобился крановщик, Саша добровольно вызвался туда ехать.

А уже через неделю из Клина пришла такая «телега», которая в какой-то мере затмила все, ранее к нам приходившие, в том числе и про искусанную собаку.

Как потом выяснилось, Саша в пятницу крепко выпил и лёг спать. Ночью к нему пришли знакомые девицы, тоже навеселе, и попросили, чтобы Саша срочно отвёз их в Клин на дискотеку. Никаких других машин, кроме автокрана, на объекте не было. И Саша, как настоящий джентльмен, не смог отказать женщинам. Дорога от объекта до шоссе была довольно извилистой, к тому же – ни одного фонаря. И фара у Саши светила только одна.

Короче говоря, на одном из поворотов Саша угодил колесом в какую-то колдобину, и кран упал. Но если бы он просто упал! Стрела крана задела и порвала линии электропередач. Несколько районов Клина по Сашиной милости остались почти на сутки без света. Надо думать, что в момент падения крана на ЛЭП фейерверк был фантастический! Как Децибела с его бабами не убило, – можно только удивляться. Впрочем, как известно, дуракам везёт.

Выбравшись из кабины, Саша дал дёру. С неделю отсиживался «под корягой» у одной из своих подружек. Буксировать кран в Москву пришлось Лёше Поликарпову. Сашу объявили во всесоюзный розыск.

Однако через неделю он как ни в чём не бывало появился в отделе. К тому времени в наш институт пришёл счёт из Клина, в котором значилась такая сумма ущерба, причинённого Сашей родному государству, которую ему не удалось бы выплатить и за триста лет ударного труда.

Сашу возили к врачам. Те брали у него всевозможные анализы, но не нашли в его организме никаких следов алкоголя. Сам же Децибел в частных беседах в отделе и не думал скрывать, что уронил кран по ЛЭП «по пьяной лавочке».

В общем, дело было нешуточное. Назначили день суда. В Сашином случае – арбитражного. Мужики долго инструктировали Децибела, чтобы он ни в коем случае не проговорился о том, что был пьян, иначе ему крышка. «А если спросят, почему неделю отсутствовал, почему скрылся с места происшествия и бросил кран, – говори: был в шоке, перепугался, током долбануло!» – внушал ему Федя Зелинский. Кстати говоря, Федя на том суде должен был присутствовать в качестве общественного защитника в зале и всячески поддерживать Сашу.

Но помогать Селикову не пришлось. Децибел справился сам. Когда его попросили рассказать, как дело было, он встал и начал своё выступление так: «Граждане судьи! Если бы я был трезв, ничего подобного бы не произошло!»

Федя Зелинский утверждает, что судья – солидный, пожилой мужчина – плакал от смеха. Ему даже воду подавали, чтобы он успокоился.

В итоге весь ущерб подмосковному Клину выплатил институт. Из одной статьи госбюджета деньги перевели на другую.

Сашу тоже наказали: лишили премии на 100 % (традцать рублей) и на полгода перевели в «яму» – автослесарем.

«БЕГУНОК» ЧУЛКОВА

Я мало общался с этим мужиком. Работал он на раздолбанном «козле» (УАЗ-469), ездил с вечно рваным тентом и был не очень-то разговорчив. Вообще на старых машинах у нас обычно ездили молодые ребята, в армии не служившие. Это было правилом: чем меньше провёл за «баранкой» водитель, чем моложе был, тем хуже машину ему давали. Бывали, правда, исключения, но они случались очень редко.

А старик Чулков ездил на старой машине только потому, что новую ему уже не доверяли: он и так несколько раз, загоня машину в гараж, врезался в ворота.

За те три месяца, пока я работал в транспортном отделе, мы не сказали с ним и двух слов. Мне с ним и ездить ни разу не довелось.

И вдруг Чулков умер. Ну, умер, так умер. Ничего удивительного: ему было за семьдесят. Меня, если честно, эта новость никак не задела и не опечалила. Разве только в том смысле, что незадолго до смерти он занял у меня трёшку до получки.

Так бы и стёрся у меня в памяти этот человек, от которого вечно пахло тройным одеколоном и бензином А-72.

Но не тут-то было. Дня через три после того, как в комнате дежурных механиков вывесили безграмотный некролог с чёрно-белой фотографией А.Ф. Чулкова, вызвал меня наш начальник, Кирилл Гаврилович, и сказал:

– Тебе поручается ответственное задание – заполнить «бегунок» Алексея Фёдоровича Чулкова.

– А что это такое – «бегунок»?

– Обходной лист. Если человек увольняется с работы, он, прежде чем получит деньги, должен подписать обходной – что сдал на склад спецодежду, а книги снёс в библиотеку. Ну, и так далее. Вообще «бегунки» заполняют те, кто увольняется. А тут такое дело... Не вдову же его по институту гонять, тем более, что у нас пропускной режим и её никто сюда не пустит.

– А много нужно собрать подписей?

– По-моему, штук двадцать пять – тридцать.

– А где их собирать? Я институт почти не знаю.

– Спросишь у Татьяны.

На том и расстались. У секретарши – Таньки-Карманный-Вариант – и получил я эту злосчастную бумагу. Вообще-то бегать с обходным листом в таких случаях полагалось ей, но, как выяснилось, она накануне устроила начальнику истерику: «У меня, мол, и так работ полон рот». Она так и говорила – вместо «забот» – «работ». Танька была родом из Мытищ. Оттуда, кстати говоря, она на работу и ездила. Росточка Танька была маленького – еле-еле дотягивала до полутора метров. Узкоплечая, худенькая, но очень горластая и востроносая, в своих 23 года она весь наш отдел вместе с начальником держала в ежовых рукавицах. К тому же оформление отпусков, больничных и прочих документов было на ней. Не подпишет Танька у Барыгина отпускной или больничный – денег не получишь. И вообще в отпуск не пойдёшь. Как пророчил Коля Большой, «при удачном стечении обстоятельств впоследствии из нашей Таньки может вырасти стерва всесоюзного масштаба».

Словом, вместо Таньки послали меня. Как самого молодого и вообще в армии не служившего.

Первые две подписи собирал я часа три. Предварительно пытался выяснить у той же Таньки, где сидят деятели, в бегунке значившиеся под номерами 1 и 2. Секретарша объяснила доходчиво и просто:

– Сначала идёшь к переходу на переход, а потом к коту на склад.

– ?

– Ну, что тут непонятного? Переход на переходе, а кот на складе!

– ??

– Ладно, иди. Там спросишь.

– А какой он, этот кот?

– Обычный, какие коты бывают, с усами.

И я пошёл. Шёл по институтским коридорам и спрашивал: «А где тут переход на переходе?» Кто-то шарахался от меня, как от сумасшедшего. Кто-то пожимал плечами. Наконец какая-то сердобольная женщина объяснила: «Это на третьем этаже, между корпусами А-4 и А-5. На переходе. Комната, кажется, № 335».

Комнату № 335 я нашёл быстро. Постучался. Вошёл. За столами в довольно большой комнате сидели человек восемь.

– А скажите, – начал я, – где тут у вас переход на переходе?

– Вообще моя фамилия Переход, а не Переход на переходе! А Вам что нужно? – поднял на меня глаза один из восьмерых сидельцев. Надо сказать, он мне сразу не понравился. По-моему, я ему тоже. Бывает такая взаимная нелюбовь с первого взгляда!

– Видите ли, меня послали подписать у вас «бегунок»!

– А почему послали?

– Потому что Чулков сам подписать его уже не сможет.

Переход взял у меня обходной лист Чулкова, потянулся за ручкой и уже хотел поставить свой автограф на первой строке «бегунка», как вдруг с ужасом посмотрел на меня.

– А почему здесь написано, что вы умерли?

– Нет, умер не я. Умер Чулков. Он у нас работал водителем. Вдова должна получить деньги, а её сюда не пускают, потому что у нас пропускной режим. Поэтому вместо умершего Чулкова собирать подписи послали меня.

- Ничего не понимаю! Как Ваша фамилия?
- Какая разница? Моя фамилия не Чулков, у меня другая фамилия.
- А почему же здесь написано Чулков?
- Потому что это обходной лист Чулкова.
- Так почему с ним ходите Вы, а не Чулков? Пусть он сам приходит!
- Он прийти не может. Он умер!
- Кто умер?
- Чулков!

Переход откинулся на стуле и минуты две пристально смотрел на меня. Находившиеся в комнате сослуживцы и сослуживицы Перехода со всё большим интересом прислушивались к нашему диалогу.

Переход подумал ещё немного, взял справочник с внутренними институтскими телефонами и набрал номер Барыгина. Трубку, видимо, взяла Танька. Во всяком случае, голос в трубке был явно не мужской.

«Послушайте! – начал Переход, зачем-то прикрывая трубку ладонью, хотя я всё прекрасно слышал. – Ко мне сейчас пришёл какой-то сумасшедший из вашего отдела. Он говорит, что он не Чулков и что он умер».

Не знаю, что там наплела ему Танька, но после разговора с ней Переход ещё больше помрачнел и возненавидел меня.

- Зайдите в другой раз! И вообще я занят! – сказал он мне раздражённо.
- Никуда я отсюда не уйду! – я решил, что не сдамся и доведу дело до конца. – Неужели Вам трудно поставить подпись? Чулков ведь Вам ничего не должен. Мне, кроме Вашей, ещё тридцать подписей собирать! Точнее – двадцать девять. Мне ещё к коту на склад нужно идти!

Услышав по кота на складе, Переход почему-то сразу успокоился и молча подписал обходной. Правда, напоследок ещё раз спросил меня:

- Так Вы не Чулков?
- Нет!
- Передайте ему, что обходные листы положено ходить подписывать самому! Развели, понимаешь, малину. Один умер, другой чушь какую-то городит!
- Хорошо. Если в ближайшее время я окажусь там же, где сейчас находится Чулков, я обязательно всё ему передам.

Семеро сослуживцев Перехода, среди которых были и молоденькие девушки, проводили меня очень выразительными взглядами. Видимо, я произвёл на них сильное впечатление.

«Так, – подумал я, выходя из комнаты № 335, – если дело так пойдёт и дальше, я с этим чулковским обходным не один год провожусь!»

Выйдя из корпуса, на переходе между которым с другим точно таким же корпусом сидел этот на редкость вьедливый Переход, я решил не форсировать события, а вернуться в отдел и разузнать у наших мужиков, что это за таинственный «кот на складе с усами». Надо сказать, в этот момент я в очередной раз перечитывал «Мастера и Маргариту», и булгаковский Бегемот, раскачивающийся на люстре, периодически вставал у меня перед глазами. Если честно, таинственного «кота на складе» я представлял в тот момент починяющим примус и при этом держащим в когтистой лапе рюмку водки.

У входа в отдел курили и обсуждали внешность проходящих мимо женщин Лёша Кутаковский, известнейший в отделе бабник и матерщинник, и Эдик Шоленинов, один из сменных дежурных механиков. Эдик тоже ни одной стоящей юбки мимо не пропустил.

«Лёша, – обратился я к Кутаковскому в тот момент, когда он живо обсуждал с Эдиком, как и каким образом они осуществили бы физическую близость с весьма импозантной дамой в короткой юбке, что шла мимо нас, зазывно раскачивая при ходьбе бёдрами, – а ты знаешь кота, который на складе?»

– Знаю! Корефан мой! А на хрен он тебе?
– А мне чулковский бегунок у него нужно подписать!
– Да кот, по-моему, сегодня мышей не ловит!
– Почему?
– А ты что, не знаешь? Он как нажрётся шнапса, целый день у себя на складе дрыхнет!
– Лёша! А какой он, этот кот? Танька говорила, что он с усами.
– Ты её больше слушай, эту Таньку. Ну, что у кота за усы? Перья какие-то торчат! ...Вон, вон, смотри какая пошла! – восхищённо показал он мне на очередную красотку.

«Лёша, – взмолился я, – ты можешь мне объяснить, где этот склад и что это за кот?»

Лёша с сожалением оторвался от зрелища дефиле, а также от декольте и дезабилье молоденькой длинноногой девицы в кокетливой белой кофточке. Было очевидно: он пытался определить, есть ли у неё под кофточкой бюстгальтер или всё-таки нет. Так, видимо, и не решив этот щекотливый вопрос, он посмотрел на меня с упрёком: «Ну что ты за человек? Такой кайф обломал! Ладно, пошли, покажу тебе кота вместе с его долбаными усами!»

Шли мы недолго. Лёша привёл меня к низкому двухэтажному зданию с огромными ржавыми воротами. Около них были навалены листы железа. Их пытался поддеть на вилы грузоподъёмник диковатого оранжевого цвета. Обращаясь к водителю, ловко орудовавшему вилами подъёмника, Лёшка крикнул:

– Серёга, кот у себя?

– С утра вроде был!

Лёша сделал приглашающий жест, и мы пошли по коридору, освещённому тусклой, засиженной мухами лампочкой. В конце коридора на двери висела табличка с загадочной надписью: «Здесь сидит А.К. Кот».

Лёша без стука отворил дверь и заорал:

– Эй, Раздолбай Иванович, Арсений Кириллыч, к тебе гости!

– Чего орёшь?

– Да вот, у нас один чудило-мученик бегунок чулковский носит. Поставь ему автограф!

– Выпить хочешь? – не сказав мне даже «здрасьте», спросил Кот, моментально перейдя со мной на «ты».

– Я не пью!

– Что, совсем?

– Совсем!

– Плохи твои дела. Вот, уже не пьёшь. Небось, ещё и не куришь?

– И не курю.

– Всё ясно. Не пьёшь, не куришь. Значит, скоро помрёшь! Как Чулков. Тот тоже не пил и не курил.

– Это почему же я помру?

– А потому. «Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким умрёт!» Ну, в общем, так. Выпьешь стакан шнапса – получишь свою подпись. 2 рубля отдашь за спецобслуживание и доставку товара на дом. Не будешь пить, – проваливай с моего склада. И хрен тебе тогда по всей морде, а не подпись!

– Арсений Кириллович, – взмолился я, – мне ещё сегодня 28 подписей собрать нужно!

– Ну и собирай. Всё равно без моей подписи никакая бухгалтерия «бегунок» у тебя не примет!

Я смотрел на Арсения Кирилловича. Вид у него был залихватский. Скорее, он был похож не на булгаковского Бегемота, а на одного из репинских казаков, пишущих ругательное письмо турецкому султану. И усы у него были те самые – репинские. Непонятно, как он с такими усами ел и пил?! Но, видимо, как-то справлялся. Правда, вместо экзотической верхней одежды казаков на нём был чёрный замасленный халат, одетый прямо на голое тело. А шаровары заменяли дырявые «треники» с пузырями на коленках. На ногах у Кота были сандалии, одетые на босу ногу. Ногти на ногах, по самым скромным подсчётам, Кот не стриг с полгода.

Момент был ответственный. С одной стороны, кто его знает, – возьмёт да и не подпишет. Хотя ведь можно прийти сюда и завтра. Вопрос лишь, – не заведёт ли он завтра ту же шарманку, что и сегодня. С другой стороны, – а вдруг в отделе узнают, что я напился? Ещё уволят.

Словно прочитав мои мысли, Лёша Кутаковский успокоил меня: «Да ты не бойся. Если кто что унюхает, – скажешь: Кириллыч стакан налил. Кот – человек. Он у нас к любому начальнику в ногой дверь открывает. В крайнем случае, можешь домой свалить. Если тебя будут разыскивать, я скажу, что ты по институту бегаешь, подписи собираешь. Кто проследит, сколько времени ты начальников вылавливал? Послали тебя? Ну, и ты их пошли. И чем дальше, тем лучше. Пей! У нас в отделе трезвенники и язвенники долго не задерживаются.

Пока Лёша меня воспитывал, Кот налил полный гранёный стакан водки и, не расплескав ни капли, поставил его передо мной. Рядом он положил липкую «барбариску».

Честно говоря, не совсем понятно было, как поднести водку ко рту, не пролив её.

Но глаза бояться – руки делают. Стакан ко рту я поднёс довольно ловко, что называется, без брызг. Преодолевая отвращение, сделал первых два глотка.

Сначала всё шло нормально, но где-то на середине стакана я почувствовал, что больше пить не могу. Водка встала поперёк горла и не хотела двигаться дальше по пищеводу. До этого момента в своей жизни я вообще не выпил ни грамма водки. Пиво, вино – да, конечно, было дело. Но водка... К тому же – без закуски...

Но Арсений Кириллович и Лёша не сводили с меня глаз. И я понял – выпью – значит, смогу работать среди этих людей. Пролью или (что ещё хуже в их представлении) поставлю недопитый стакан на грязный стол Арсения Кирилловича, – могу завтра писать заявление об уходе и отправляться в армию.

Пока пил, вспоминал Андрея Соколова из рассказа Шолохова «Судьба человека». Правда, Кот и Лёша Кутаковский, надо отдать им должное, сочувствовали мне несколько больше, чем Мюллер и его команда заключённому Соколову. К тому же одним стаканом, слава Богу, дело вроде бы и должно было ограничиться. Лёша даже подбадривал меня в самый ответственный момент: «Давай, давай. Водка – зло, её нужно уничтожить. Стаканами».

Пока я развёртывал фантик «барбариски», Кот подписал мой «бегунок». Однако попытку отдать ему два рубля он пресёк очень решительно, сказав: «Пошутил я, пошутил. Я тебе налью, ты мне нальёшь. Что, не нальёшь, что ли?»

С тем Кот меня и отпустил. Как ни странно, полный стакан водки с ног меня не свалил. Разумеется, в голове у меня пару часов пошумело, но не больше. Тем более что Лёша Кутаковский составил мне компанию, и мы с ним плотно пообедали.

Вообще с лёгкой руки Арсения Кирилловича дальше дело с обходным листом пошло быстрее. Правда, в технической библиотеке ошалевшая от скуки девица, которая до моего прихода кемарила, положив голову на руки, спросонья как-то мутно посмотрела на меня и спросила: «Вы – Чулков?» На щеке у девицы явственно проступал след от пуговицы.

Но у меня уже имелся некоторый опыт, приобретённый у Перехода на переходе, и я просто и спокойно ответил: «Да!»

«Понятно!» – ответила девица, поставила подпись и снова положила голову на руки.

ЧИЧИГИН-И-КОРЕЦКИЙ

Володька Чичигин и Андрей Корецкий – два разных человека, но представить их порознь я и тогда, и сейчас не могу. Невозможно было даже предположить, что Чичигин будет пить водку без Корецкого, а Корецкий сядет играть в домино без Чичигина. Так и вижу их перед собой – тощий, длиннющий Корецкий и рядом с ним, как Санчо Панса вокруг Дон Кихота, – коротконогий, низкорослый Чичигин.

Оба они работали водителями на автобусах ПАЗ-672, или, как выражался Чичигин, «жмуриковозах». Дело в том, что именно на этих автобусах традиционно возили, да и сейчас возят покойников машины из фирмы «Ритуал».

Чичигин и Корецкий были в полном смысле этого слова «словотворцами». Изобретение новых слов и обновление старых происходило у них постоянно. Вот некоторые образчики чичигинско-корецких неологизмов. Сухое вино – «товарищ Сухэ». Это Чичигин с Корецким посмотрели художественный фильм «Его зовут Сухэ-Батор» о герое монгольской революции. Стопарик для принятия живительной влаги – «мал-алан». Перл родился после просмотра ещё одной художественной ленты – «Аршин Мал-Алан». В «мал-алане» вмещалось около ста граммов. Обычный гранёный стакан назывался иначе: «карацюпа». При чём тут фамилия известного героя-пограничника? Портвейн назывался «вкусной зинзеберной водичкой». Этимологию этого словосочетания мне, к сожалению, выяснить не удалось. Была у Чичигина с Корецким и универсальная единица измерения выпитого – «грамм-градус на рыло». Удивляюсь, почему она до сих пор не введена в международную систему СИ?!

Играть с Корецким и Чичигиным в домино для меня было самым настоящим наслаждением. Любая доминошная фишка имела название. Фишка 6:6, у доминошников именуемая «шестёрыйшный дупль», на их языке называлась «фюрер», или «Адольф». «Пятёрыйшный дупль» – «зам фюрера» (или «доктор Геббельс», или просто «зам»). Дупль «пусто-пусто» – «лысый».

Любой ход, любая доминошная комбинация или ошибка в игре тоже были ими как-то названы. Если кто-нибудь по невнимательности ставил не ту фишку, один из этой сладкой парочки моментально реагировал: «Чего горбылину лепишь?» Фразы «лепить горбатого», «класть горбыль» произносились при тех же обстоятельствах.

Особенно много доминошных терминов звучало из их уст при игре в «креста». Если выходили все фишки с «шестёрками», а «фюрер» оставался у кого-нибудь на руках, Чичигин или Корецкий реагировали моментально: «Отрубили «фюреру» башку!» Впрочем, в этом случае могла прозвучать и другая фраза: «Отрубили фюреру конец!» Аналогично – с «доктором Геббельсом». Так что любой сколько-нибудь опытный доминошник, услышав выражение «оттяпали конец доктору Геббельсу», прекрасно понимал, что имелось в виду.

Наиболее выдающейся фразой, услышанной мной от них во время одной из доминошных партий, была следующая: «Ты знаешь, как происходит превращение козла в рыбу? Оно происходит путём отрубания обоих концов и зашибания лысого дупля!» Правда, заядлые доминошники утверждали, что фраза эта при всей её заковыристости папахивала литературщиной.

Не исключено: некоторые слова и выражения были заимствованы Чичигиным и Корецким на стороне, но уверен: авторство многих неологизмов принадлежало им.

Несмотря на то, что обоим было за 40, они не были женаты. Все силы уходили на то, что эта неразлучная парочка неистово, неутомимо, непрерывно шкодила. Добрая половина всевозможных происшествий и скандалов, происходивших в отделе, была связана именно с ними. Вот, к примеру, одна из их невинных шуток.

Когда в отделе кто-нибудь умирал, наша профсоюзная дама, Нина Борисовна Соловьёва, родная сестра Незнайки, ходила и собирала с каждого из нас по рублю. Всё как в фильме «Служебный роман».

Нина Борисовна в своё время прославилась тем, что в лекции про нейтронную бомбу, которую она как член КПСС должна была прочитать в отделе работягам, она упорно называла эту самую бомбу «нейтральной». Работяги её лекцию не слушали, поскольку «политику не хавали» из принципа, а вот Коля Большой с наслаждением выслушал её выступление, даже что-то там законспектировал на клочке бумажки, а затем с самым невинным видом спросил:

– Скажите, пожалуйста, Нина Борисовна, а вот нейтронная бомба, она опаснее, чем нейтральная?

– Нет, – уверенно проинформировала собравшихся хорошо подкованная в этом вопросе лекторша, – нейтральная бомба на сегодняшний день – самая разрушительная!

– А почему же тогда она называется «нейтральной»? – не унимался Большой.

– А это – происки империалистов. Они хотят таким названием ввести весь мир и всю прогрессивную общественность в заблуждение!

Так вот. Как-то раз, в пятницу, Чичигин и Корецкий никак не могли занять пятёрку до полочки. А выпить хотелось. Очень. И в голову Володи Чичигина пришла гениальная мысль:

– А давай собирать деньги на чьи-нибудь похороны! Соловьёва как раз в отпуске, никто не удивится, что деньги собираем мы! В случае чего, скажем, что нам поручили.

– А на чьи похороны мы будем собирать? – решил уточнить Корецкий.

– Да на чьи угодно. Хоть на Михаила Николаевича. Он как раз тоже в отпуске. Откуда кто знает – живой он или на самом деле помер.

Сказано – сделано. Написали печатными буквами на листе А-4 объявление о безвременной кончине водителя Самохвалова М.Н., последовавшей после тяжёлой и продолжительной болезни, сели в комнате дежурного механика и стали рассказывать, как бедный Михаил Николаевич, находясь в очередном отпуске, дал, что называется, дуба. И историю придумали о последних минутах «покойного» душеспитательную, с подробностями. И о том, как у него, бедного, «скакануло» давление, и как его жена вызвала «неотложку», и как несчастного Михаила Николаевича, хотя он воевал, имеет правительственные награды, положили в коридор неврологического отделения, где он, не приходя в сознание, помер.

Деньги сдавали бойко. Михаил Николаевич Самохвалов проработал в отделе лет пятнадцать. Ему было за семьдесят, он действительно был гипертоником, поэтому всё рассказанное криминальным дуэтом принимали за чистую монету. В сборе средств на похороны и венки Михаилу Николаевичу принял участие даже зам. директора института Владимир Владимирович Владимиров. Он как раз шёл по своим делам к нашему начальнику. Чичигин с Корецким, увидев его, поначалу было струхнули. В их планы не входило выводить афёру на всеинститутский уровень. Но В.В.В., узнав, что умер сам Самохвалов, тот самый, который не раз и не два возил его по служебным делам, от щедрот своих отвалил душеприказчикам Михаила Николаевича целый червонец. Не жаль, мол, для хорошего человека!

Сразу после этого Чичигин с Корецким «лавочку» свернули.

Пили ребята с пятницы до воскресенья. В понедельник, с некоторым опозданием, с трудом приплелись на работу, страдая жутким похмельем. На их языке такое состояние называлось «ОРЗ» – очень резко завязал.

Их в отделе уже с нетерпением ждали. Особое желание пообщаться с ними было у Михаила Николаевича Самохвалова, вернувшегося после отпуска на работу. Увидев его в понедельник, наши работяги, все как один, удивлялись: «Откуда ты взялся? Ты же помер!» И рассказывали жуткую историю об инсульте и смерти в коридоре больницы.

А Владимир Владимирович Владимиров в понедельник позвонил нашему диспетчеру Ирине Гавриловой и попросил, чтобы ему дали машину: надо, мол, съездить в Министерство. Машину ему Ирина выделила, но сообщить о том, кто именно повезёт В.В.В. в Министерство, не догадалась.

Михаил Николаевич рассказывал, что, когда начальник подошёл к машине и увидел в ней его, Самохвалова, В.В.В. стало плохо. Сердце у Владимирова пошаливало.

А Володя Чичигин и Андрюша Корецкий недели полторы ходили с «фонарями» под глазами. Чичигин – под левым, а Корецкий – под правым.

Постепенно синяки сошли.

ПРО КАРЛИКОВЫХ АНАКОНД И ПОЛЯРНЫХ АКУЛ

У Феди Зелинского случилась беда. Настоящая. Большая.

О том, что именно у него стряслось, я узнал много месяцев после. О своих личных делах Федя предпочитал помалкивать.

Так вот, как потом выяснилось, от него ушла жена. Ушла вместе с детьми. Точнее сказать, она «ушла» Федю из их общей трёхкомнатной квартиры. Когда-то получал квартиру именно Федя. А ещё точнее – выкупал, поскольку квартира была кооперативной. И вот, когда жильё было выкуплено, а Федины сыновья-погодки пошли в шестой и седьмой класс, семья рухнула.

Не знаю, что там у них стряслось. Для всех нас это осталось тайной за семью печатями, даже для наших дам. Но жизнерадостного, всегда хорошо одетого Федю словно подменили. Он перестал бриться. Неделями не менял сорочку. Ходил весь какой-то засаленный, помятый. (Как потом выяснилось, всё это время Феде приходилось ночевать где попало, в том числе на вокзалах и в купе поездов, стоявших в тупиках.)

Если бы в таком виде в гараже начал щеголять кто-нибудь из наших «пролетариев», никто бы не удивился. Грузчики, автослесари да частенько и водители появлялись в отделе в чём попало. Лёша Кутаковский как-то месяца три ходил без единой пуговицы на ширинке, а когда ему в очередной раз указывали на неполадки в одежде, объяснял, что так справлять малую нужду намного удобней.

Но Федя был начальником гаража. Какое-никакое, а всё же начальство!

Первыми неладное почуяли наши дамы. Но Федя ни с кем не откровенничал. Как-то работал, что-то делал. Стал раздражительным, вдрызг рассорился с бригадиром слесарей Паршиным. Открыто конфликтовал с Барыгиным. Общался с ним только письменно, в основном докладными и объяснительными записками.

Потом Федя пропал. Где он, что с ним, – никто не знал. Время было в отделе горячее: надвигался ежегодный техосмотр. Приготовить 75 автомашин к этому эпохальному мероприятию без начальника гаража было невозможно.

Начальник наш, Кирилл Гаврилович Барыгин, раз десять названивал Феде домой, но всякий раз слышал один и тот же текст: «Он здесь больше не живёт!» Без всяких объяснений и комментариев.

Наконец, недели через две, Федя на работе появился.

Молча прошёл в свой кабинет и сел за стол. Весть о том, что Федя вернулся, мгновенно облетела отдел. Узнал об этом и Барыгин. Он ворвался в Федин кабинет и начал орать: «Где Вы были? Почему ничего никому не сообщили?!»

Федя молчал. После того, как начальник устал кричать, Федя спокойно и очень тихо сказал: «Вы хотите знать, где я был? Хорошо! Сегодня же я пришлю Вам об этом подробный отчёт».

И своё обещание Федя Зелинский сдержал. Отчёт о том, «где он был, когда его не было» (Федино выражение) через несколько часов лежал на столе у Барыгина. Танька-Карманный-Вариант вошла в кабинет начальника как раз в тот момент, когда КГБ начал читать Федину писанину.

Прочитав первые строки, Кирилл Гаврилович вскочил из-за стола, очки его упали на пол. Он их даже не поднял.

Никому не говоря ни слова, Барыгин бросился с Фединами листочками в нашу институтскую медсанчасть и оставил их там для ознакомления.

Я читал Федину объяснительную записку, точнее, её копию. Федя сам в тот же день подсунил мне этот документ.

Дело давнее, но кое-что в памяти осталось: «Моё детство, – издалека начал своё повествование Федя, – трудно назвать счастливым, ибо прошло оно в детском доме, куда я попал после безвременной кончины моих родителей. Их в 1936 году втайне от всего советского народа отправили на Луну. До Луны они долетели, а вот на обратную дорогу не хватило топлива».

И вот, сидя в детдоме на горшках, мы с моими товарищами, родители которых тоже отдали свои жизни за Родину на трудовом и боевом посту, поклялись раз в год на две недели обязательно собираться вместе и отправляться в кругосветное путешествие.

Три года тому назад по приглашению вождя одного из африканских племён мы охотились на слонов с реактивных самолётов.

В позапрошлом году отлавливали на берегах Амазонки карликовых анаконд.

А в этом году мы встречали Новый год на Северном полюсе, где ловили вершами в полынье огромной льдины полярных акул...»

И так далее, и тому подобное на трёх страницах убористым, каллиграфическим Фединым почерком. Без единой помарки.

На следующий день после написания этого шедевра Федю вызвали в институтскую медсанчасть, якобы для того, чтобы сделать ему плановую флюорографию. Федя пришёл в кабинет, однако медсестры, обычно делающей эту самую флюорографию, по кличке Вдохнуть-И-Не-Дышать, там почему-то не было. Зато сидела какая-то незнакомая медсестра. Она завела с Федей дежурный, ни к чему не обязывающий разговор. Поговорили о том, о сём. Врач всё не являлся. Федя начал проявлять нетерпение.

И тут эта самая незнакомая «медсестра», как бы между прочим, спросила: «Фёдор Яковлевич! Скажите, пожалуйста, зачем вы написали эту ахинею?» В руках её появилась ксерокопия Федино «сочинения». «Я поначалу на самом деле решила, что это написал сумасшедший. Теперь вижу, что вы вполне нормальны, хотя ваш внешний вид вызывает некоторые вопросы».

– Видите ли, – ответил Федя, – в моей жизни возникли некоторые сложности. Я бы не хотел о них говорить. Мне были необходимы две недели отпуска, чтобы решить свои проблемы. Я пришёл к Барыгину, попросил, чтобы меня отпустили во внеочередной отпуск. Разумеется, за свой счёт. Но у нас на носу техосмотр, и моё заявление начальник не подписал. Тогда я пошёл к заместителю директора института Владимирову. И тот мне двухнедельный отпуск в виде исключения разрешил. Моё заявление, подписанное Владимировым, находится в отделе кадров.

– Почему же вы не объяснили всё это Барыгину?

– А он и не спрашивал у меня никаких объяснений. Барыгин хотел узнать, где я был? Я и написал – где.

– Если хотите, – вот вам мой совет. Не дразните гусей. Если бы на моём месте оказался какой-нибудь другой врач, вас вполне могли бы упечь в психиатрическую лечебницу.

На том и расстались.

Как потом выяснилось, две недели понадобились Феде для того, чтобы найти и снять комнату где-то у кольцевой автодороги. Все вещи он оставил жене и детям. Квартиру тоже. Взял с собой только одежду да кое-какие книги.

О СИНОНИМАХ

Общее собрание отдела обещало быть бурным. В повестке дня числился единственный вопрос: «О мате». Так и было написано на листке ватмана, вывешенного на доске объявлений, как раз напротив комнаты отдыха. Эта тема живо интересовала наших мужиков. Все знали, что несколькими днями ранее в отдел пришла очередная «телега». На этот раз не из милиции и вообще не из «внешнего» мира, а от сотрудниц научных подразделений нашего института.

Дело в том, что эти женщины вынуждены были по несколько раз в день, проходя мимо гаража, выслушивать в свой адрес самую что ни на есть откровенную похабщину. Причём почти всегда матерные «импровизации» наших мужиков представляли собой весьма циничное и громогласное обсуждение внешности дам, а то и предложение вступить с ними в интимную близость тут же, причём в самой извращённой форме.

Миновать наш отдел при всём желании эти сотрудницы института не могли: научные подразделения, в которых в основном работали именно женщины, располагались таким образом, что от проходной до их корпусов неизбежно нужно было проходить мимо гаража. Тот же путь мимо наших мужиков приходилось им проделывать в столовую, медсанчасть, отдел кадров, бухгалтерию и т.п. Таким образом, для многих из них посещение столовой или, скажем, отдела кадров превращалось в настоящую пытку.

До поры до времени женщины терпели, делали вид, что не слышат оскорбительных высказываний в свой адрес. В конце концов их терпение лопнуло. Под «телегой» стояло 245 подписей. На семи листах.

Представляю себе, какой ужас испытывали эти хорошо одетые, модно причёсанные, пахнущие хорошими духами женщины, проходя мимо наших чудовищ, от которых разило перегаром, соляжкой, дизельным топливом и солидолом. Их небритые лица, нечесанные волосы, грязные ватники, измызганные халаты, спецовки и телогрейки резко контрастировали с белыми халатиками и изящными туфельками дам.

Кто знает, может быть, наши троглодиты таким образом мстили женщинам за то, что те образованны, хорошо одеты, занимаются интеллектуальным трудом, а не перетаскивают с места на место ящики, не крутят с утра до вечера, в жару и в холод баранку машины и не лежат под ней с гаечным ключом в грязи и в вони.

У наших любителей острого русского слова были излюбленные предметы для травли. Лёша Кутаковский, Волчок, Коля Сизов, Чичигин с Корецким и прочая братва выбирали женщину почище, покрасивее и помоложе, дожидались её появления и начинали упражняться в похабщине. Если кто-нибудь из острословов в тот момент, когда та проходила мимо транспортного отдела, по какой-то причине отсутствовал, за ним посылали гонца. И тот прибегал, бросив всё, чтобы помочь своим товарищам достойно встретить объект их хамского «обожания».

Я как-то попытался вмешаться в происходящее, но мне объяснили, что в следующий раз, если я попытаюсь помешать их любимому развлечению, меня случайно переедет машина или на голову упадёт что-нибудь большое и тяжёлое. Угроза, конечно, пустая, но испортить мне жизнь эти деятели могли без особого труда. Коля Большой, Слава Степанов, Гера Лиллевыли, Лёшенька, Ваня Лоскутков и ещё несколько ребят были на моей стороне, но тоже ничего поделать не могли. Нас было явное меньшинство.

Комната отдыха, в которой обычно проходили наши собрания, была набита битком. Стояли в дверях, в коридоре. Те, кому не удалось подойти к месту собрания поближе, слушали новости, передаваемые по цепочке.

Сначала выступил Барыгин. Довольно пространно, тряся по привычке ногой и поправляя на носу очки, он говорил о том, что это, конечно, безобразие. Если столько работников института объединилось, чтобы остановить это издевательство над ними, – значит, это край, значит, дальше так продолжаться не может.

«Словом, – закончил он свою речь, – если кто-нибудь ещё раз посмеет глумиться над женщинами и говорить в их адрес непристойности, будет для начала лишён премии, а в случае повторения – уволен».

Затем говорила Нина Борисовна:

– Это вообще какой-то кошмар. Кроме мата, ничего у нас не услышишь. Вчера вон пришёл ко мне один такой деятель, турок завоёванный, получать талоны на бензин. Вы знаете, что он мне сказал? Я даже и повторить этого не смогу. У нас, конечно, не пансион благородных девиц. В отделе всегда, сколько я здесь работаю, ругались, но не до такой же степени!

– А я предлагаю, – поддержал сестру Незнайка, – лишать матерщинников не только премии, но и зарплаты!

Предложение Незнайки мужики встретили дружным хохотом.

– Вы напрасно смеётесь, – не унимался Незнайка. – Вчера прохожу я мимо ремонтной мастерской, а этот (он указал на бригадира слесарей Юрия Прохоровича Паршина) Поликарпову кричит: «Жопу, жопу заноси!»

– Во-первых, жопа – это не мат! – вступил в разговор Паршин. – А, во-вторых, что же я должен кричать? Алексей Николаевич, не будете ли вы любезны подать зад своей машины влево? Да он десять раз за это время в яму въедет или моих слесарей передавит!

– А мне, это самое, как со своей бригадой разговаривать? – неожиданно для всех встрял в разговор Волчок. – Хрен вам на рыло! Матерился и буду материться! А премии лишите – уйду на хрен к едрёне матери!

– Николай Иванович! – снова вступил в разговор Барыгин. – Вам и Виталию Саввичу никто не запрещает общаться с Вашей бригадой на понятном им языке. Вам, Юрий Прохорович, тоже. Одно дело – если вырвется неприличное слово во время погрузки или ремонта. Все мы люди. Я иной раз сам не выдерживаю – выражаюсь, даже по телефону. Но и в этом случае, если рядом с Вами находятся женщины, старайтесь держаться в рамках приличия! В крайнем случае заменяйте бранные слова синонимами.

А что касается похабщины, которую вы несёте, когда мимо проходят женщины из научных отделов, тут я вам обещаю твёрдо, что уволю к чёртовой матери. Я в научные отделы ходить боюсь. Там нас за питекантропов считают, австралопитеками называют. Говорят, у нас тут сексуальные маньяки какие-то собрались.

– На нас и в столовой косятся, как на диких животных, – развил тему Лёшенька. – Когда мы стоим там в очереди, спереди и сзади к нам ближе двух метров никто не подходит.

В столовой от наших мужиков действительно шарахались. Во-первых, конечно, из-за их внешнего вида. Многие из них, и руки-то толком не помыв, не переодевшись, прямо из-под машины шли в столовую. Во-вторых, они и в столовой разговаривали между собой на том же, «гаражном» языке.

Ещё большее отчуждение между нами и остальными работниками института возникло с тех пор, как в столовой вывесили объявление: «Водители транспортного отдела обслуживаются вне очереди». Дело в том, что машин на огромный институт не хватало, у водителей каждая минута была на счету, поэтому они были на привилегированном положении. Но пойдя – разбери, где водитель, где грузчик, где слесарь. Без очереди лезли все. Когда наша банда вламывалась в столовую, народ от нас шарахался, как от прокажённых.

Кричали долго. Собрание длилось часа два.

В конце собрания Кирилл Гаврилович Барыгин спросил Семенкова:

– Виталий Саввич! Вы про синонимы всё поняли?

– Понял!

– Что же Вы поняли?

– А пошёл ты, Кирюха, на синоним!

Разумеется, материться в отделе не перестали, да и не могли перестать. Однако громогласно травить проходящих мимо женщин прекратили. Только иногда, да и то втихомолку, с оглядкой, Лёша Кутаковский, глядя на проходящую мимо даму в кокетливо расстёгнутом халатике, мечтательно произносил: «Я бы ей вставил!»

ЛЁША КУТАКОВСКИЙ

Удивить кого-нибудь в нашем отделе самой витиеватой и циничной бранью было невозможно. И всё же Лёша Кутаковский умудрялся меня всякий раз поражать. Ругался он настолько изобретательно, многоэтажно и артистично, что завидки брали: дан же талантище человеку! Пусть и такой – весьма своеобразный.

Он уже пришёл в отдел вполне сложившимся матерщинником. Но, надо отдать ему должное, Лёша постоянно и неуклонно развивался, благо, мастера его окружали опытные: Волчок, Коля Сизов, Виталий Саввич Семенков, Юрий Прохорович Паршин... Но те давно не

пополняли свой матерный лексикон, довольствовались ранее приобретённым, а Лёша день за днём всё больше оттачивал и совершенствовал своё мастерство. Глядишь – и новая «фулада», новое «коленце», подхваченное у кого-нибудь из «учителей», – зазвучало из его уст.

Многие наши мужики – те просто сквернословили: без толку, без смысла, без цели. Бранные слова слетали у них с языка, как шелуха от семечек. Другое дело Лёша – он матерился самозабвенно, вдохновенно, творчески.

Лёша на полном серьёзе утверждал, что стать матерщинником ему было на роду написано: дескать, сама фамилия его – Кутаковский – происходит от татарского слова «кутак», – мужской половой орган.

Любимое развлечение у Кутаковского было такое. Дождавшись, пока дежурный механик отлучится, Лёша подсаживался к телефонам: городскому и местному – и начинал «отвечать на звонки». Отвечал он очень своеобразно: «Вам Котелкова? Его нет! Где? Как где? Его послали! Как куда? На х...»

После этого Лёша вешал трубку на место и спокойно ждал следующего звонка. Жена Серёжи Котелкова, моего приятеля, как-то при мне возмущалась: «Кто у вас там сидит в гараже у телефона? Как ни позвоню – матерится!» Я ей объяснил: есть у нас в отделе такой вот Лёша!

Лёша даже здороваться умудрялся матерно. Мишу Куприянова он приветствовал таким вот образом: «Здрастхуй Михуил!»

Когда в отделе появился Юра Дуговой, Кутаковский, узнав о его фамилии, с самым невинным видом подошёл к Юре и равнодушно, со скучающим видом спросил:

- Ты, стало быть, из казаков?
- Да, – ответил ничего не подозревающий Дуговой, – из терских казаков.
- Значит, сын казачий?
- Значит, так, – ещё не понимая, к чему клонит Лёша, простодушно ответил Дуговой.
- А, по-моему, ты не сын казачий, а х... собачий, – отчеканил Кутаковский.

С тем он и отошёл от Дугового, безуспешно силившегося что-то выговорить в ответ.

Хотя Лёша по возрасту был не старше нас с Большим и Лёшенькой, он примыкал к тем мужикам нашего отдела, которые в глаза и за глаза называли нас «дезертирами». Дело в том, что у Лёши было двое детей, поэтому никакой призыв в армию ему уже не грозил. Дети он обзавёлся довольно своеобразно.

Лёшка пришёл на работу в гараж примерно в одно время со мной. Кстати говоря, после смерти Чулкова ему достался именно тот самый раздолбанный «козёл». Так Кутаковский и ездил на нём несколько лет – с тем же разорванным тентом. Машина была ещё та: то колесо у неё посреди дороги (например, на Кугузовском проспекте) отвалится, и не совсем понятно, чем и каким образом прикажете тормозить, то выхлопная труба оторвётся, то «движок» застучит.

В то время у Лёши была голубая мечта: «убить Гаврилу», то есть нашего начальника – Барыгина. Часто Лёша, сидя в «месте для курения», закрывал глаза и мечтал:

– Вот, получу военный билет, напьюсь до синих соплей, до поросычьего визга и убью Гаврилу.

– Лёша, – возражает ему кто-нибудь из нас: я, Большой или Лёшенька, – это идиотизм! Тебя же посадят. Если уж тебе так неймётся, убей его сейчас. А так – сидеть здесь, работать за «копейки» на «чулковском» «козле», получить военный билет и после всего этого «сесть» – это только ты можешь.

– Нет, убивать сейчас я его не буду. Какой кайф? А вот когда получу билет, тогда и убью.

– Слушай, Лёша, но если убить сейчас Гаврилу, – вступал в этом месте в разговор я, – тебе впаяют лет десять – от силы пятнадцать. Расстрела, скорее всего, не дадут, особенно если удастся доказать, что ты был в состоянии аффекта. Отсидишь – выйдешь, и никакая армия тебе уже не будет страшна!

– Нет, мужики, не уговаривайте! – отмахивался от нас Лёша. – Я уже всё для себя решил.

– А как ты военный билет получать собираешься? – бывало, спросит у него Лёшенька, вежливо продолжая порядком поднадоевший всем разговор. – Лучше всего «закосить»! Кстати говоря, если будет у тебя справка о том, что ты шизик, тебя за Гаврилу могут и не посадить. Отправят на принудительное лечение, поколют там сульфазинном, а потом, глядишь, и выпустят. Убивай себе следующего «Гаврилу»!

– Нет, – с грустью отвечал Кутаковский, – не все же такие талантливые, как ты. Из меня актёр, как из говна пуля. Вот ты у нас – другое дело. Нет, я лучше детьми обзаведусь!

– Какими детьми? – спрашивал в который раз Лёшенька.

– Обыкновенными, какие дети бывают. С кашками.

– Но если ты обзаведёшься детьми и после этого убьёшь Гаврилу, как твоя жена в одиночку будет детей растить? – участливо спросит Большой.

– Как-нибудь. На то она и баба! – философски закончит обсуждение этого вопроса Лёша.

И Лёша Кутаковский детьми обзавёлся. Женится он на Маринке из канцелярии. О Маринке этой – разговор особый. Страшная была, косоглазая, «ноги бантиком», но «добрая» насчёт мужского пола. Наши мужики её хвалили за эту её «доброту». У меня такое ощущение, что и пошла-то она на такую работу, где мужиков типа Лёшки сколько хочешь, именно потому, что при её внешних данных выйти замуж на другой работе было, мягко говоря, непросто.

Когда в отделе узнали, что Лёшка женится на Маринке, мужики наши решили, что Кутаковский спятил. Но тот совершенно спокойно и обстоятельно объяснил: «Она мне быстренько детей нарожает, получу военный билет и убью Гаврилу!»

Кутаковский говорил об этом постоянно. Не знаю, доходили ли до Барыгина эти Лёшины угрозы, но он по любому поводу лишал Кутаковского премиальных и отсылал в командировки. Однако уволить Лёшку было вроде бы не за что: водителем он был хорошим. К тому же – почти не пил. Не то чтобы совсем, однако и не так, как многие другие. Не запивался.

Маринка, к удивлению многих наших мужиков, оказалась хорошей женой: хозяйственной, властной и умелой. К тому же – верной. Обстирывала Лёшку, обглаживала. Никто никогда больше не видел у него неполадок в одежде. Лёшку она держала в ежовых рукавицах. Удивительно, но факт: он тоже не изменял Маринке, даже не помышлял об этом. И детей, несмотря на Лёшкины командировки, Маринка рожала ему исправно. Первого родила месяцев через шесть после свадьбы.

Мужики заранее сочувствовали Маринке: убьёт Лёшка начальника – ей, такой худенькой и слабенькой, придётся тащить семью на себе лет десять – пятнадцать. Именно столько лет они заочно отмерили Кутаковскому за «мокрое дело».

Была у Кутаковского ещё одна любимая тема для разговоров: утром, во время традиционных для нашего отдела перекуров на улице, Лёшка с самыми мельчайшими подробностями рассказывал об их с Маринкой интимной жизни. Как в любом мужском коллективе, у нас подобные разговоры были приняты, но рассказывали мужики обычно о мелком и крупной кобеляже на стороне. А тут – о собственной жене...

Лёша Поликарпов однажды не выдержал и сказал Кутаковскому:

– Слушай, милый друг! Мне, конечно, всё равно. Маринка – твоя жена. Делай с ней, что хочешь. Но она же тебе, козлу, детей рожает!

– Ты, дядя Лёша, – ответил ему Кутаковский, – человек старенький. Из тебя песок скоро посыплется, и представления у тебя отстальные.

– Ну, это как раз вопрос спорный, а ещё раз про Маринку пакости начнёшь при мне рассказывать, – у тебя изо рта зубы точно посыплются!

Бросать обещания на ветер Лёша Поликарпов не любил. Мужиком он был сильным, к тому же почти непьющим и к «клубничке» равнодушным. В отделе его уважали. Правильный был мужик.

И Лёшка Кутаковский попритих. Если что-то и рассказывал про их с Маринкой «кувыркания», то самым близким друзьям, любителям щекотливых подробностей, да и то – где-нибудь в укромном месте, с оглядкой, подальше от ушей Поликарпова.

День, когда Лёшка Кутаковский вторично стол отцом, в отделе вспоминали долго. Его, этот день, ещё долго называли «Кровавой пятницей». Лёшка, как и обещал, действительно напился. Страшно. До обещанного визга и соплей. До полного «сползания крыши с головы».

Как-то так получилось, что в отделе забыли о Лёшкином обещании «убить Гаврилу». Многие к этой угрозе относились довольно легкомысленно. Мало ли что Лёша обещал! К тому же убийство начальника Кутаковский планировал сразу после получения военного билета.

Но Лёша о своём намерении помнил, а последовательность – сначала билет, а уж потом – Гаврила, видимо, была для него не столь уж принципиальной.

Начальника в этот день в отделе не было часов до пяти вечера. Он находился в местной командировке. Мы на это обстоятельство внимание не обратили. Но Лёша, как потом выяснилось, ещё как обратил. Он ждал Барыгина, и несколько раз, пока был трезв, выпрашивал у Таньки-Карманный-Вариант, когда тот вернётся.

Когда кому-нибудь из ребят нашего отдела удавалось получить военный билет досрочно, а случалось это довольно редко, положено было ставить на отдел два ящика водки. Кутаковский выставил три. Если иметь в виду, что в отделе пьющих было человек 100, выходило не так уж и много – граммов по 300 на брата. Для наших мужиков – разминочный вариант. Но кого-то в этот день не было, кто-то по каким-то причинам пить не стал. Короче, вместо «300 граммов на рыло» вышло намного больше, и, начиная с четырёх часов, трезвых в отделе почти не осталось.

Лёша наливал каждому желающему, сколько у того душа просила. Все наши грузчики, кроме Лёшеньки, Большого и Славы Степанова, вповалку лежали на диванах в комнате отдыха и спали. Амбре там стояло исключительное, для человека с улицы непереносимое. Ситуацию усугубляло ещё и то, что день был довольно жаркий и душный – июль месяц всё-таки.

Примерно в 16.45 Кирилл Гаврилович Барыгин вышел из проходной и направился к отделу. Каким-то непостижимым образом весть о том, что начальник приехал, в считанные мгновения облетела весь отдел. Барыгин даже до двери дежурного механика дойти успел, как из ворот гаража выскочил совершенно невменяемый Кутаковский и бросился на начальника. Он ревел, именно ревел, одну и ту же фразу: «Убью Гаврилу!!!» Это было вполне возможно, потому что в руках у Лёшки был увесистый разводной ключ.

У Барыгина хватило ума и сообразительности, наплевав на чувство собственного достоинства и авторитет начальника, со всех ног броситься к двери дежурных механиков, из которой можно было попасть на второй этаж, а потом – и в его кабинет. Но вряд ли бы он успел добежать до спасительной двери, потому что Кутаковский нёсся ему наперерез. Лёшкино лицо было по-настоящему ужасно.

Кто знает, как бы обернулось дело, если бы между начальником и Лёшкой неожиданно не возникла Танька. Не знаю, откуда она появилась. Может, шла откуда-нибудь с бумагами. Может, почуяла что-то неладное в упорном желании Кутаковского узнать, где Барыгин и когда он вернётся.

Но факт остаётся фактом. На какую-то секунду Танька Кутаковского удержала, и начальник успел юркнуть в дверь гаража. Но при всём желании удержать Лёшку наша секретарша долго не могла, хотя буквально повисла у него на руке. Аккуратно, несмотря на полуневменяемое состояние, очень бережно и осторожно Кутаковский освободился от Танькиных рук и бросился за начальником. Тот, увидев, что Лёшка продолжает преследование, побежал со всех ног к своему кабинету, захлопнул дверь буквально перед самым Лёшкиным носом и мгновенно заперся на ключ.

Кто знает, начни Кутаковский стучать в дверь, попытайся он её выломать, Барыгин вызвал бы охрану, и Лёшку бы скрутили. Кто знает, может быть, и «посадили» бы.

Но, оказавшись перед захлопнутой дверью, Лёшка бросил разводной ключ, сел на пол и заплакал: «Ну, что, ядрёна матрёна, за жизнь! Один-единственный хороший поступок хотел совершить: убить этого сволочного Гаврилу! И то не дали!»

Мужики подняли Лёшку с пола и под руки вывели за территорию института. Кто-то из них, от греха подальше, проводил его до дому и сдал с рук на руки матери. Маринка, ясное дело, была в роддоме.

А Барыгин решил не выносить сор из избы и не делать из этого случая истории. Надо отдать ему должное – правильно решил! Как подытожил Ваня Лоскутков, поступил «по понятиям».

В понедельник Лёшка как ни в чём не бывало появился на работе с огромным «фонарём» под глазом и уже рассказывал об очередной истории, приключившейся с ним: «Представляете, мужики, напоили меня в субботу так, что я «мама» сказать не мог. Хотел было на метро домой поехать. Какое там! В стеклянную дверь с третьего раза еле-еле попал, а то всё в стойку врезался. Ясен пень, контролёрша меня развернула, хорошо, в ментуру не сдала. Посадили меня мужики в такси, сунули в карман трёшку.

Ехали, ехали, наконец, приехали. Нужно платить. Я туда-сюда. Шарю по карманам – нет денег. Я таксёру и говорю: «Нету, мол!» Ну, он меня из машины выволок, дал в глаз и уехал. Кровь у меня из носа течёт. Я – в карман сунулся за платком, чтобы кровь вытереть, а трёшка – там. Хрен с ним с носом, зато я с утра в воскресенье на эту трёшку опохмелился!»

– Лёша, а ты хоть помнишь, что в пятницу тут учудил? – спросил его кто-то из шоферов.

– А то!!

– А ты к Маринке-то в роддом ездил?

– А чего мне там делать, с фонарём? Заживёт – поеду.

Таньку после этого случая у нас в отделе ещё больше уважали.

ЖЕЛЕЗНАЯ БАНОЧКА ИЗ-ПОД «МОНПАНСЬЕ»

Всесоюзные Ленинские коммунистические субботники проходили у нас, в транспортном отделе, по раз и навсегда заведённому «сценарию». Часов до двух народ ещё что-то делал: слесари копались в «кишочках» машин, ИТР слонялись из угла в угол, искали, чем бы себя занять, начальство рапортовало о небывалом трудовом подъёме. (Обычно в понедельник в институте вывешивали объявление: столько-то рублей переведено на такой-то счёт для таких-то нужд. Из одного бюджетного кармана – в другой.)

Не знаю, как в других местах, а у нас, в гараже, подъём на самом деле происходил нешуточный. Все сколько-нибудь физически сильные мужики с помощью ломов и других подручных средств приподнимали в раздевалке работяг тяжеленные железные шкафы, в которых хранилась одежда. Делали они это вовсе не затем, чтобы вымести из-под шкафов сор и затереть грязь. Причина «подъёма» была проста и незамысловата. За год с прошлого «коммунистического» субботника под эти самые шкафы закатывалась всевозможная мелочь из карманов мужиков. Так обычно и говорилось – выпал двугривенный или пятак – «в апреле подберём». И деньги эти так и назывались – «апрельские». «Скоро “апрельские” будем собирать!» – можно было услышать, начиная с января-февраля.

Технология «сбора апрельских» была такой: трое – четверо «ударников» приподнимали шкаф и сдвигали его в сторону. Двое других работяг – похудосочнее и пошустрее – вылавливали из мусора блестящие кругляшки. Рядом с пыхтящими мужиками в это время обычно суетилась уборщица – Александра Ивановна, по прозвищу Санна Ванна, приговаривая: «Дайте хоть мусор оттуда вымести. А то субботник – а грязь вся на месте. Зачем тогда, спрашивается, шкафы двигать?!» На что наши мужики ей обычно отвечали: «Не бойсь, Санна Ванна, мы и тебе стакан насыплем. А грязь под шкафами и так не видно».

Тем не менее уборщице иногда удавалось вмешаться в трудовой процесс и вымести немного мусора, иногда вместе с мелочью, что очень раздражало «ударников».

Убедившись в том, что вся мелочь собрана с пола, шкаф ставили на место.

Деньги складывали в специальную железную коробочку из-под леденцов «монпансье» диаметром сантиметров пятнадцать. Для того чтобы никто не умыкнул из этого богатства ни копейки, подсчитывал мелочь Лёша Бочаров – широко известный в нашем узком кругу правдоискатель, правозащитник и поборник справедливости. Считалось, что Бочаров лучше издохнет, чем украдёт чужую копейку.

Его даже однажды пытались выбрать по инициативе «низов», то есть наших работяг, в председатели месткома вместо Нины Борисовны, но Бочаров недобрал несколько голосов. И в отделе ходили упорные слухи о том, что начальство результаты выборов сфальсифицировало.

Обычно в результате совместного упорного труда набиралось рублей десять – двенадцать. В особо урожайные годы – до двадцати. Эти деньги составляли начальный капитал традиционной попойки, которая венчала субботник.

Отправляли в магазин с этими пяточками, копейками и гривенниками Женю Касаточкина. Поговаривали, что к нему равнодушна продавщица ближайшего винного отдела. Парень он был видный, длинноволосый, сладкоглазый и сладкогласный.

И правда: сколько бы народу ни толклось в винном отделе, в каком бы дефиците ни была водка, Женя никогда не стоял там больше пяти минут. И не было случая, чтобы он уходил из магазина с пустыми руками. А что до мелочи, – у кого ещё, кроме Жени, продавщица приняла бы это «богатство» – часто гнущее, истёршееся и позеленевшее от времени?

Всё, как всегда, было и на этот раз. Санна Ванна с веником, бригада Волчка с ломами (Виталий Саввич Семенов в связи с запоем от управления бригадой снова был временно отстранён) и Бочаров с золотистой баночкой. Правда, «урожай» на этом субботнике собрали небывалый – 24 рубля 85 копеек. Это была сумма: шесть бутылок водки по 4.12 да ещё и 13 копеек (вполне достаточно для наших мужиков!) оставалось на покупку закуски.

После того как последний шкаф был водружён на место и вся добыча тщательно подсчитана, мужики закурили и стали решать, где и как продолжать «субботник».

Женя Касаточкин уже переминался на месте, ожидая своего «выхода».

И тут Лёша Бочаров предложил нечто неслыханное, небывалое:

– Мужики, я предлагаю – на эти деньги водку не покупать!

– Лёша, ты что, уху ел? – выразил общее мнение Лёша Юрков, один из «крепких», давно зарекомендовавших себя алкашей.

– Мужики, я предлагаю купить на эти деньги цветы и фрукты для Дмитрия Петровича Родченкова и съездить к нему в больницу. А то умрёт Петрович, а никто из нас к нему так и не соберётся.

Лёшка задел всех за живое. Родченков работал в отделе дольше всех – лет двадцать. Начинал ещё «со старого здания», что на Фрунзенской набережной. В этом «старом здании», кроме Дмитрия Петровича, из наших работали всего четыре человека: Лёша Поликарпов, Волчок, Виталька Семенов да Барыгин. Гаврила, рассказывали, там, на Фрунзенской, гайки в яме крутил, был простым автослесарем.

Но дело было не только и не столько в том, сколько Родченков проработал в отделе. Он был, по мнению работяг, одним из немногих «правильных» начальников. Из тех, кого наши мужики искренне уважали и даже любили. Он числился у нас старшим мастером, заместителем Феди Зелинского. Но реально все самые сложные вопросы, связанные с ремонтом автомобилей, решал именно Дмитрий Петрович.

Федя имел «верхнее» (его словечко) образование. Как-никак – МАДИ закончил. А у Родченкова было неполное среднее. Но, как бывают музыканты от Бога, так и Дмитрий Петрович был автослесарем именно от Него – от Бога. И это признавали у нас все. Не было случая, чтобы Родченков спасовал перед ремонтом автомашины, каким бы сложным он ни был. К тому же Петрович умел и любил выпить.

Но что самое ценное, – он никогда, ни при каких обстоятельствах не «закладывал» подвыпивших или каким-либо другим образом проштрафившихся работяг. Разбирался с ними сам. Порой и «в ухо» и «в глаз» мог дать. Но получить от Родченкова «за дело» было не обидно. Иногда Дмитрий Петрович даже «прикрывал» слесарей и заступался за них на совещаниях у Барыгина.

Казалось, что ему и сносу не будет – таким он был жилистым и крепким..

И вдруг он заболел. Раком. Выяснилось это довольно поздно. Когда Родченкова положили на «Каширку», сделать что-либо было уже невозможно.

Дмитрия Петровича месяца за полтора до того самого субботника ненадолго выпустили из больницы, и он приходил в отдел. Почти ни с кем не разговаривая, ходил по коридорам, посидел на складе. В отделе стало передаваться из уст в уста странное слово «метастазы».

Я хорошо помню, как вошёл на склад в тот момент, когда он сидел там и о чём-то тихо говорил с кладовщицей Валентиной Ивановной Вишняковой.

Я не видел Дмитрия Петровича несколько месяцев и в первый момент не узнал его. А когда узнал, то поспешно поздоровался, сделав вид, что никаких особых перемен в нём не нахожу. Но он по моему секундному замешательству понял всё. Посмотрел на меня несколько мгновений и ничего не ответил на мой «дежурный» вопрос: «Как дела?» Потом тяжело встал и вышел в коридор какой-то странной, не своей походкой. Когда я смотрел ему вслед, мне казалось, что он идёт на лыжах.

Мужики, потупившись, молчали. Выпить, конечно, хотелось всем. К тому же, пока двигали с места на место шкафы и предвкушали грядущую выпивку, все «завелись». Да и нарушать традицию не хотелось.

Однако с Бочаровым никто не спорил. Каждый понимал, что Лёшка прав: в больницу к Петровичу действительно так до сих пор никто и не съездил.

Молчание прервал Коля Исаков, бывший шофер, переведённый за свои многочисленные «подвиги» сначала в автослесари, а потом – и в грузчики.

– Вы как хотите, мужики, а я не сука. Я на эти деньги пить не буду.

– Коля, когда такое было, чтобы ты от выпивки отказывался? – ехидно поинтересовался у него Юрков.

– Было, не было. А пить я не буду. Вы как хотите, а я не буду.

Ещё некоторое время длилось тягостное молчание.

Наконец снова заговорил Бочаров: «Мужики, я предлагаю скинуться – у кого сколько есть. На эти деньги и бухнём. Раз такое дело – отдаю всё, что у меня есть при себе. Пятачок только на метро оставлю!»

Лёшка взял полиэтиленовый пакет, открыл кошелек и высыпал из него в пакет содержимое. Покопавшись в мелочи, он демонстративно вынул пятак. А дальше сработала цепная реакция: вывернули карманы и высыпали в Лёшкин пакет бумажки и медяки сначала Коля Исаков, Ваня Лоскутков, потом выпивоха со стажем Пётр Петрович Соломатин, затем – Юрков и все остальные мужики. Посопев немного, присоединился к мужикам и Волчок.

Бочаров вместе с Лёшкой Кутаковским действительно съездили на «Каширку» на следующий день. Купили яблоки, апельсины, зефир, конфеты, цветы... Передали письмо, подписанное почти всеми нашими работягами.

К Родченкову их не впустили. Однако ответную записку от Дмитрия Петровича передали. На ней карандашом корявыми печатными буквами было выведено только одно слово: «СПАСИБО».

Через несколько дней Дмитрий Петрович Родченков умер.

Хоронили его все.

БЫВШИЙ БАРМЕН ЛЁША ЮРКОВ

Лёша Юрков (фамилия его «ударялась» на первом слоге) до того, как очутиться «на дне», то есть в нашем отделе, работал барменом в ресторане гостиницы «Берлин». Там и спился. Однако работа в ресторане наложила на него отпечаток некоего «питейного лоска». Он, в отличие от Коли Сизова и других наших мужиков, не любил молча хлопать рюмку за рюмкой, то есть «принимать дозу». Ему перед выпивкой обязательно нужно было сказать «несколько приличествующих делу слов». Поэтому в отделе его считали трепачом и всерьёз с самого начала к нему не относились.

Юрков прекрасно разбирался в винах, знал рецепты несметного количества коктейлей, мог приготовить их из чего угодно. Именно от него я узнал, что такое «Северное сияние», «Хмурая осень», «Московский экспресс», «Чёрный ёрш», «Месть кровавой Мэри».

Что такое «Ёрш» или «Кровавая Мэри» в нашем отделе, разумеется, знали все задолго до Юркова. Но тот умел из хорошо знакомых всем ингредиентов приготавливать такие многослойные, забористые смеси, что перевернул наше представление о коктейлях вообще и о возможностях «Кровавой Мэри» в частности. Глинтвейны он готовил феноменальные. Нигде и никогда больше таких вкусных глинтвейнов я не пил.

А ещё Лёша Юрков был большим любителем хорошего, настоящего, качественного чая. Чай был его слабостью. Причём пил он его без сахара и только заварку, не разбавляя её кипятком. Однако в те времена, кроме «Грузинского» да «Краснодарского», никакого другого чая в магазинах, даже московских, не было. Пределом мечтаний считался индийский чай московского «разлива». Лёша им буквально бредил. Если ему удавалось достать заветные коробочки «со слоном», он был счастлив.

Однажды Женя Касаточкин через знакомую продавщицу винного отдела достал пару пачек этого самого чая: винный отдел продуктового магазина соседствовал с «Булочной», куда этот чай иногда привозили.

– Где? – только и смог выдохнуть Лёша, увидев в руках у Касаточкина вожделенные пачки.

– В «Булочной»!

– Это через дорогу?

– Ну, рядом с «винным»!

Лёша, бросив всё, выудил из всех карманов свои пятаки и гривенники и бросился за чаем.

Пришёл. Народу – никого. Скучающая продавщица полировала ногти за прилавком.

– У тебя хобот есть? – выпалил Лёша, едва закрыв за собой дверь в магазин.

– Что-что? – обомлела продавщица.

– Хобот, спрашиваю, у тебя есть?

– Какой хобот? – продавщица изумлённо глядела на Лёшу.

– Обыкновенный. Что, не знаешь, какие хоботы бывают?

Вид у Лёши был самый что ни на есть экзотический. Грязный ватник, затасканные, продранные в нескольких местах штаны. Многодневная щетина на щеках. Если бы на Юркове был халат, продавщица приняла бы его за одного из клиентов психушки, чьи корпуса желтели как раз напротив «Булочной». Но сбежать оттуда сквозь решётки на окнах и высоченный забор было не так-то просто. К тому же, несмотря на свой опереточный вид, Лёша не оставлял впечатление буйнопомешанного.

– Ну, так что? Есть хобот, или уже куда-то заховала?

– Слушай, чего ты несёшь?! Скажи толком, какого хобота тебе надо?

– Обыкновенного. Наши мужики у тебя его только что видели!

– Что видели?

– Что-что, – передразнил её Лёша, – сказано тебе, хобот!

– У меня?

– У тебя!

– Недавно?

– Да, минут двадцать тому назад.

В отделе начал скапливаться народ. Люди с интересом слушали диалог Лёши и продавщицы. Кто-то уже начинал проявлять нетерпение и намекать Лёше, что он задерживает.

– Да чего она минжуется? – начал объяснять Лёша свою позицию собравшимся. – Заныкала хобот, а теперь целочку из себя корчит! Да мне немного надо! Всего пачек пять – шесть! И я отвую!

– Пачек пять чего?

– Да хобота, тебе говорят. Не знаешь, что ли, чай индийский, со слоном. У нас его «хоботом» называют!

Поняв наконец-то, в чём дело, продавщица пришла в себя, приняла хозяйскую позу – «руки в боки» – и заявила:

– Так бы и говорил, зоолог хренов! Хобот ему подавай! Нет у меня чая. Кончился. Нам всего двадцать пачек дали.

– Ну, хоть одну! – начал канючить Юрков. – Ну, пожалуйста!

– Где я тебе её возьму? Высру, что ли?

– Как Вам не стыдно! – наставительно, прямо-таки отечески сожалея о её неразвитости, менторским тоном сказал Лёша. – Во-первых, не тебе, а вам. А во-вторых, не высру, а выделю из заднепроходного отверстия в процессе произвольной дефекации.

С тем Юрков и отвалил.

История о том, как Юрков «хобот» покупал, скоро стала неотъемлемой частью нашего местного фольклора. Очень любил рассказывать эту историю Лёша Кутаковский, причём рассказывать в лицах, с многочисленными прибавлениями, уточнениями и некоторыми незначительными искажениями.

Замечателен бывший бармен Лёша был ещё и тем, что никогда, ни при каких обстоятельствах не матерился. Выругаться он мог, и «по фоне тянул и ботал» не хуже других. Но мата от него никто никогда не слышал. Он считал себе человеком интеллигентным, отчасти даже японцем. Кстати говоря, внешность у Юркова была самая что ни на есть японская: маленького роста, чернявый, несколько косоглазый, кривоногий. Кто его знает, может, действительно капля японской крови в нём была?..

Юрков однажды «послал» бригадира грузчиков Волчка чисто по-японски. Подражая барону Мюнхгаузену из популярного тогда мультфильма, выдал такую фразу: «Не будет ли любезен многоуважаемый сэр пойти на пиписечку!» «Куда-куда?» – взревел Волчок. «На пиписечку!» – невозмутимо повторил Юрков.

Пил же Юрков как все, то есть беспробудно. Во рабочее время он обычно лежал на одном из продавленных диванов в комнате отдыха мертвецки пьяный и спал. Звать его разгружать ящики в этот момент было бесполезно. С известной одному ему периодичностью он просыпался, шёл, как в шестидесятые годы писал в своих стихах питерский поэт Глеб Горбовский, «пьяный, боком по стене», иногда в качестве подпорки используя и голову, к своему шкафчику в раздевалку и, заправившись, возвращался восвояси. Причём, по меткому выражению Лёшеньки, назад, в комнату отдыха, Юрков двигался «быстрее и легче лани трепетной». Но Лёшенька слегка утрировал. Выглядел Юрков действительно чуть бодрее, чем несколько минут тому назад, и некоторый блеск в его глазах действительно появлялся, но ненадолго.

Авторитетом в отделе Юрков не пользовался никаким. И вовсе не потому, что он не матерился. Лёша однажды совершил то, что, по понятиям наших работяг, было абсолютным «западло».

Дело в том, что в гараже издавна существовали весьма своеобразные представления о том, что допустимо, а что нет. Они были обязательны для всех.

Можно было не вернуть вовремя деньги, взятые в долг. К этому относились довольно лояльно. Куда хуже было сесть играть в домино, проиграть, а уж потом заявить, что денег нет. За это могли и побить. И уж, во всяком случае, с таким «игрулей» за стол никто из наших мужиков больше уже не садился. Иногда даже опытные, солидные доминошники играли в

долг (правда, об игре в долг нужно было предупредить партнёров заранее, до начала партии). Это было «по понятиям».

Но было одно «запахло», которое считалось самым презираемым и недопустимым. Оно не прощалось никому и никогда. Это когда не возвращались *проспоренные* деньги.

Спорили у нас в отделе постоянно. Какие только невероятные пари не заключались! Условия пари обсуждались обязательно в присутствии нескольких авторитетов. Очень часто эти условия закреплялись при свидетелях на бумаге. Один деятель поспорил у нас на десять бутылок водки, что одной рукой поднимет десять кирпичей. И поднял! Весь секрет состоял в том, КАК именно ставить кирпичи и КАКИМ образом их поднимать. Но – никаких хитростей. Всё по-честному. Одной рукой. За один раз. десять стандартных кирпичей.

Другой – заключил спор на две бутылки коньяка «5 звёздочек», что за один раз, безо всякой закуски, выпьет пятьдесят сырых куриных яиц. И выпил! Правда, его потом долго выворачивало после этого эксперимента наизнанку. И на куриные яйца этот деятель без отращения смотреть не мог.

Долго умы всех наших алкашей будоражило одно пари – пари, которое заключил с кем-то из работяг бригадир автослесарей Юрий Прохорович Паршин. Юрий Прохорович заявил, что вольёт в себя бутылку водки за 17 секунд, причём сделает при этом только один глоток! Весь отдел сбежался смотреть на этот цирковой номер. Бутылку Паршин перед тем, как сунуть в горло, хорошенько раскрутил по часовой стрелке. Так что водка штопором, словно вода в раковину после того, как хорошенько прочистить её вантузом, влилась в его глотку. При этом кадык Паршина поднялся и опустился действительно только один раз.

Много было потом у нас желающих повторить это шоу. Но рекорд Паршина при мне так и остался непобитым. Или бутылку недостаточно хорошо раскручивали, поэтому в 17 и даже в 20 секунд не укладывались, или одним глотком заглотать пол-литра водки всем остальным было слабо.

На весь институт прогремел спор крановщика Лёши Поликарпова с охранником Кирюшей, из «новеньких», толком наших институтских порядков не знавших. Тот всякий раз, пропуская Лёшу через ворота института, очень тщательно осматривал Лёшин автокран АК–75. В «бардачке» копался, заставлял Поликарпова вылезать из кабины и поднимать сиденье. Лёша терпел-терпел, а однажды не выдержал:

– Ну что ты всё ищешь? Водку, что ли? Так я, если захочу, и десять ящиков провезу, а ты и не чухнешься!

– Нет, – высокомерно ответил Кирюша, – у меня ты не то что ящик, «мерзавчика» (четвертинку) не провезёшь!

– Да я на своём кране что хочешь провезу. Хоть пятиметровую лестницу. А ты будешь стоять и клювом щёлкать.

Слово за слово, заключили по инициативе Поликарпова пари. Как положено, при свидетелях. Три человека со стороны охраны, трое, во главе с Лёшей Бочаровым, – с нашей. Условия пари такие: Поликарпов в течение двух недель должен вывезти лестницу длиной пять метров за ворота института. Причём не по отдельности, а целиком, и не в сложенном, а в натуральном виде. Количество ступенек на лестнице должно быть не меньше 12. Тот, кто проигрывал спор, должен был выставить ящик коньяка «три звёздочки».

Лёшка, как уже было сказано, был человеком непьющим, но как раз в это время строил дачу, и некоторое количество спиртного постоянно должно было находиться у него под рукой.

Лёша к спору подошёл очень серьёзно. Весь отдел был в курсе, что Поликарпов после работы сваривает из железных брусков пятиметровую лестницу. Дело было нешуточное. Лестницу он раз пять перемеривал. Ровно пять метров. Тютелька в тютельку. И ступенек Поликарпов выточил ровно 12.

И вот что поразительно. Весь отдел знал о Лёшиних манипуляциях. Но никто не «трепанул».

Все тринадцать дней Кирюша работал без отгулов и выходных именно на тех воротах, через которые обычно проезжал Поликарпов. Он тщательно досматривал машину, в бардачок и под сиденье к Лёше заглядывал. «Ты что же, под сиденьем у меня лестницу ищешь?» – ехидно интересовался Поликарпов.

Кирюша сопел и молча продолжал досмотр.

В последний – четырнадцатый день – весь отдел стоял «на ушах». Все ждали, когда Поликарпов повезёт лестницу за пределы института. На улице за воротами тайно собрались человек десять наших мужиков, которые должны были засвидетельствовать тот факт, что Лёша лестницу вывез.

Наконец Лёша подрулил к воротам. Кирюша вылез из своей каптёрки. Подошёл к машине.

– Ну что, везёшь? – спросил он.

– Везу! – спокойно подтвердил Поликарпов.

– Лестницу?

– Лестницу!

Кирюша недоверчиво покачал головой и начал проверять машину. Он и залезал под неё, и на стрелу крана лазил. Распорядился даже, чтобы Лёша стрелу опустил вниз. Лёша послушно выполнял все его указания.

– Нет у тебя никакой лестницы! – взмокнув от гимнастических упражнений, сказал охранник.

– Есть!

– Ну, ведь врёшь же!

– Нет, не вру.

Кирюша снова начал обыскивать машину. С момента, когда Лёша подъехал к воротам, прошло минут двадцать. Толпа за воротами, затаив дыхание, ждала. Несколько машин уже стояло в очереди к воротам, но их водители терпеливо ждали, понимая, что на «кону» – ящик коньяка и честь отдела.

Промаявшись с машиной ещё несколько минут, Кирюша уверенно сказал: «Нет лестницы!» – и нажал на кнопку открывания ворот. Ворота со скрежетом отворились.

Лёша выехал за ворота. Недалеко. Метров десять. Остановил машину. Наши мужики побежали за охранниками, чтобы те засвидетельствовали факт провоза лестницы. Охранники довольно быстро явились.

К моменту, когда Поликарпов опустил стрелу своего АК-75, кран уже обступили человек пятьдесят. Толпа шумела. Подогнали ЗИЛ-130. Лёша вместе с несчастным Кирюшей и несколькими свидетелями, в том числе из охраны, залезли в кузов, чтобы всем всё было видно. К своему ужасу, Кирюша действительно увидел лестницу, которая абсолютно сливалась со стрелой. Лёша не поленился: вместе со сварщиком Неклюдовым он «на смерть» приварил лестницу к верхней поверхности крана да ещё покрасил её в один цвет со стрелой. Даже измерять лестницу и считать ступеньки не стали. Всё было и так ясно.

– Ну, ты, Кирюха, влип! – резюмировал окончание спора Лёша Бочаров.

По слухам, деньги на ящик коньяка охранник снял со сберегательной книжки.

Так Поликарпов на своём кране с этой приваренной лестницей с тех пор и ездил.

Были споры и попроще. Например, Коля Большой однажды поспорил с Лёшенькой, что за пять минут съест килограмм мармелада «Балтика». Спорили на пять бутылок пива «Радгост» – любимого их с Лёшенькой пива. Лёшенька так и называл это пива: «Радгость моя!» Мармелад Большой съел. За 4 минуты 35 секунд. Я сам лично засекал. А пиво мы втроем в тот же вечер и выпили.

Но, споря, каждый знал, что ЭТОТ долг в ЭТОМ отделе священен. Не отдать его – значило стать человеком даже не второго, а сто двадцать второго сорта.

И вдруг по гаражу разнослась весть, что Юрков при свидетелях заключил всё с тем же Лёшей Поликарповым неслыханный спор. Он, Юрков, за пять минут без отдыха обязуется

отжаться от пола двумя руками 300 раз. Инициатором спора был Юрков. С Поликарповым спорили охотно. Деньги в случае чего он отдавал сразу.

300 раз отжаться от пола у нас не мог никто. Признанный силач Коля Исаков мог отжаться раз 180 – 200, да и то без лимита времени.

Проигравший должен был выставить ящик водки за 4.12. Поликарпову, у которого деньги водились всегда, купить 20 бутылок было несложно. А что касается Юркова, то 80 с лишним рублей были для него суммой огромной, неподъёмной.

Отжиматься Юрков должен был после окончания рабочего дня, в помещении для мойки автомашин. Хронометраж и подсчёт отжиманий должен был вести Лёша Бочаров.

В 17 часов 15 минут в помещении мойки плотным кружком вокруг Юркова стоял почти весь отдел. Лёшка разделся по пояса. Подождал, пока Бочаров даст отмашку, и начал отжиматься. Сначала довольно шустро и бодро, потом – чуть медленнее. «Двадцать пять, – считал Бочаров, – двадцать шесть, двадцать семь...» На счёт «тридцать два» Юрков с огромным трудом отжался, а после этого лёг на холодный пол мойки и никакого желания продолжать эксперимент не проявлял.

Часы у Бочарова показывали 17 часов 17 минут.

– И это всё? – разочарованно протянул кто-то из «болельщиков». – Ну ты, Лёшка, и жлоб! 300 раз отожмусь! Пока 30 раз отжался, обперделся весь!

– Ящик с водкой подтащишь к проходной завтра к 8 часам утра! – скомандовал Поликарпов и, сунув руки в карманы, вышел вон. Вслед за ним и остальные мужики медленно стали выходить из помещения мойки.

Юрков лежал на полу. Около него на корточках сидел грузчик Пётр Петрович Соломатин.

– Эх, Лёша, Лёша, – сочувственно сказал он специалисту по коктейлям, – и чего ты гнал, что 300 раз отожмёшься?

– Знаешь, Петрович, – ответил Юрков, повернув голову к Соломатину, но с пола не поднимаясь, – я так хотел выпить, что думал – смогу отжаться!

– Где же ты деньги брать собираешься? – поинтересовался Пётр Петрович.

– Где-где? У тебя, например! Что, не выручишь, что ли?

– Нет, Лёша! Я такие деньги только во сне вижу. Да и то редко! Ладно! – сказал Соломатин и похлопал Юркова по спине. – Рабочий день кончился. Ты давай вставай, а то простудишься. А деньги ищи. Поликарпов – это тебе не у Пронькиных! За столом не пёрднешь!

Говорят, Юрков пытался одолжить у кого-то эти деньги. Кто-то сдуру даже дал ему займы пять рублей. Но достать за вечер такую огромную сумму человеку, которому в долг не верили, было невозможно. На пять рублей Юрков с горя напился. В отделе на следующий день он не появился.

Выйдя через неделю после «липового» больничного на работу, Юрков отдавать Поликарпову долг отказался. Мужики, предвкушавшие дармовую выпивку (Лёша от щедрот своих обещал 5 бутылок из 20 отдать страждущим), слегка наkostenяли ему. Но не это было самым страшным. С Юрковым перестали здороваться. Его вообще перестали замечать и считать за человека.

В отделе произошло неслыханное. У Виталия Саввича Семенкова прямо из шкафа, где он хранил свою одежду, кто-то украл бутылку водки.

В отделе поворывали и раньше. То часы у кого-нибудь сопрут, то кошелёк из шкафчика вытащат, то запчасти от автомашины скрутят. Одного такого деятеля, воровавшего запчасти, вылавливали у нас в гараже несколько месяцев, сыщиков из милиции к этому делу привлекли. Ворюгу нашли. По отпечаткам пальцев, оставленным на деталях машины. Оказалось, что это один из наших, из молодых, «дезертиров». Не посадили, но заставили возместить ущерб и отправили в армию.

Но то – «запчасти», собственность государственная, – по представлениям работяг – ничья. А тут – водка. Универсальный эквивалент стоимости. Абсолютное табу.

Надо сказать, что никакие спиртные напитки, даже пиво, в институте не продавались. Но, как и в любом учреждении, в институте пили. Пили много.

Водку проносили через проходную и провозили в «бардачках», под сиденьями машин и в других потайных местах. Имели возможность делать это посреди рабочего дня немногие: те, у кого было право «свободного выхода». Таким правом в институте обладали только различного калибра начальники да наши шофера с грузчиками. Им в течение дня на самом деле приходилось по роду работы не раз и не два оказываться за территорией «ящика».

Дело было небезопасное. Тех, кого охранники задерживали на проходной с водкой, как минимум, лишали премии. Но могли и уволить. Запросто. Для ребят, в армии не служивших, это была катастрофа.

Поэтому проносили и провозили водку и прочие горячительные напитки в основном грузчики и шоферы со стажем. Виталий Саввич был в этом смысле профессионалом высочайшего класса. Его за много лет «ношения» не поймали ни разу.

Рассказывали, что однажды Семенкова остановили на проходной, стали обыскивать. Водка у него с собой, разумеется, была. Но он спрятал её так умело, что найти бутылку охрана не смогла. Виталька вышел из проходной, вынул из одного ему известного потайного места водку и помахал ей на виду у охранников над головой. С тех пор его никто не трогал. Мужики, конечно, интересовались, где это он носит водку? Просили поделиться опытом. Но Семенков только посмеивался.

Вообще для многих шоферов и грузчиков это был настоящий прибыльный бизнес. Не знаю, была ли с ними в доле охрана. Возможно, была.

Иногда, если охранникам попадала шлея под хвост (особенно в те дни, когда начальство требовало от них выполнения плана «по задержанию»), они ловили то одного, то другого «несуна». Но это были в основном «салаги», недавно к нам пришедшие. «Стариков» охрана не трогала.

Вот типичная картинка с проходной:

- Виталька, привет!
- Привет, гражданин начальник!
- Скажи честно, несёшь?
- А как же! Чего порожняка зря гонять!
- Врёшь, небось?
- Когда это я врал?
- Ты в который раз сегодня уже идёшь!
- Кажется, в четвёртый, а может, и в пятый! Я не считал!
- А почему трезвый?
- Ещё не вечер, гражданин начальник!

Многие грузчики, у которых не хватало денег на выпивку, добывали водку именно так. С бутылки полагалось «насыпать» Витальке или другому благодетелю 50 – 70 граммов. Можно было взять и деньгами. На бутылку за 4.12 полагалось дать «ходоку» без сдачи пять рублей. Сдача поступала тому в доход. Такса была постоянной. Менялась она только в случае изменения цены на водку.

Так вот, у Виталия Саввича не просто украли водку. У него украли «заказанную» водку. То есть он должен был принести заказчику бутылку или же вернуть пять рублей.

Виталька матерился, но делать было нечего. Пришлось занимать и отдавать «пятёрку».

...Прошла неделя. Кражи продолжались. Дело дошло до того, что то у одного, то у другого работяги кто-то отпивал половину содержимого бутылки и после этого ставил её на место.

Все шкафы закрывались на ключ. Открыть их другим ключом было непросто. Значит, занимался этим делом тот, кто умел вскрывать замки.

Мужики постепенно свирепели. Ни у кого из «аборигенов» отдела ничего подобного на памяти не было. Это было настолько дико и нагло, что не вмещалось в сознание наших работяг.

Дни шли. Кражи продолжались. Мужики озверели окончательно. Посовещавшись, решили выследить вору и «замочить» его.

Как они его выследили, – не знаю. Но как-то днём мы, сидя с Лёшенькой, Колей Большим и Юрой Дуговым за партией в «креста» в комнате отдыха, услышали в коридоре топот множества ног и крик: «Поймали!»

Мы побросали фишки на стол и побежали в раздевалку. Там уже кого-то били. Били страшно, ногами. Впятером, вшестером. Топтали. Покряхтывая, лупили прямо носками ботинок и сапог в какое-то красное месиво.

Кого били, видно не было. Сначала тот, кого били, кричал, потом – стонал. Затем как-то странно, утробно хрюкал. Мы пытались оттащить мужиков – куда там! Стало страшно. Чувствовалось: убьют. На шум прибежали диспетчер Ирина, Танька, Нина Борисовна. Пытались остановить побоище. Танька жутко – на ультразвуковых частотах – завизжала. Всё без толку.

Коля Исаков, стоявший вместе с нами и не принимавший участие в избиении, задумчиво почесал голову и тихо сказал: «Замочат!»

И тут его словно осенило. Он схватил ведро, бросился к крану с холодной водой и через несколько секунд вылил воду в самую гущу копошившихся людей.

Замешательство длилось лишь несколько мгновений. Но этого времени хватило, чтобы вытащить то, что осталось от избиваемого, из кучи озверевших мужиков.

Мы выволокли его в коридор. По полу за телом тянулся кровавый след. Разглядеть лицо избитого человека было невозможно. Кто-то из работяг попытался догнать и ещё раз пнуть безжизненное тело.

Когда тело втащили на склад, к Валентине Ивановной Вишняковой, и захлопнули перед тяжело дышащими преследователями тяжёлую железную дверь, кто-то удивлённо охнул: «Да это же Юрков!»

Мужики толпились с той стороны, перед дверью, и не хотели уходить. С огромным трудом их удалось успокоить и увести от склада.

Юркова привели в чувство. У него было выбито несколько зубов, сломан нос и, по всей вероятности, пара рёбер. О синяках и кровоподтёках и говорить нечего. Возможно, было сотрясение мозга. На ногах он стоять не мог. Но руки-ноги, как ни странно, были целы.

Часов до восьми вечера он находился на складе. Перед дверью неотлучно дежурили Коля Исаков, Лёшка Бочаров, Лёша Поликарпов и ещё несколько авторитетных и сильных мужиков, которые должны были предотвратить продолжение расправы.

Кровь отмыли, кое-как заштопали разорванную рубаху и брюки Юркова.

В 9 часов вечера, тайком, Юркова вывез через дальнюю проходную Лёша Поликарпов. Он довёз Юркова до подъезда его дома.

Расставаясь с ним, Поликарпов сказал:

– Не дай тебе Бог близко подойти к институту. Один раз оттащили. Второй раз могут не успеть.

С «бегунком» Юркова ходил по институту Бочаров.

ПРО КОЛЮ ИСАКОВА

Впервые я увидел Колю Исакова примерно через месяц после того, как он демобилизовался из армии и пришёл работать к нам в отдел водителем грузовых машин. Служил он на флоте. Водительские права получил ещё до армии. Помню, как поразила меня атлетическая фигура Исакова. Такой рельефной мускулатуры я, признаться, в жизни не видел. Если только по телевидению.

Ничем особенным в первые месяцы своей работы Коля никого не удивил. Правда, в одну из получек, которую мужики, как обычно, отмечали в раздевалке за шкафами, он, изрядно подвыпив, неожиданно схватил тяжеленный стул с железными ножками и, размахнувшись, бросил его поверх шкафов в направлении чьих-то голосов. Слава Богу, ни в кого не попал.

Затем, как будто ничего не случилось, Коля вернулся к застолью.

Примерно в это же время, в самом начале Колиной карьеры, состоялось его состязание с бригадиром слесарей Юрием Прохоровичем Паршиным – кто кого перепьёт. Такие баталии происходили у нас часто.

Пили они, начиная с двенадцати часов ночи до пяти вечера, пока мы ездили на автобусе за грибами в Тульскую область и обратно. (Эти «поездки за грибами», как правило, превращались в массовые попойки.)

Счёт стаканам в споре Паршина и Исакова вёл, разумеется, Бочаров.

Никто и никогда до этого Паршина перепить не мог. Юрий Прохорович считался в нашем отделе самым выносливым.

Отмеривали ровно по 150 граммов водки. Если мне память не изменяет, оба остановились на чёртовой дюжине стаканов. Только Паршина под руки друзья увели домой, а Коля, выйдя из автобуса, отправился «добавлять» в ближайшую пивную «Семь дорог», что находилась недалеко от стадиона «Динамо». Грибы в ту поездку собирали только мы с Большим и Лёшенькой.

Колю потом обвинили в том, что он якобы предварительно выпил двести граммов растительного масла. Чтобы не опьянеть. Трюк известный. Я думаю, обвинили напрасно. Хитрости в Исакове не было ни на грош.

Как-то, в начале ноября, в конце рабочего дня, в пятницу, Коля попросил у диспетчера Ирины Гаврилиной разрешения на пару часов отлучиться на машине «по делам». Время было горячее, Колина машина – ГАЗ-66 – была постоянно в разъездах, ни о какой «паре часов по делам» и речи быть не могло.

– Ну, не хочешь дать по-хорошему, – возьму по-плохому! – заявил Коля.

В пятницу он в гараж не вернулся. Машину объявили в розыск. Ни машины, ни Коли не было ни в субботу, ни в воскресенье.

А в понедельник как ни в чём не бывало Исаков загнал машину в гараж.

Выяснилось, что какой-то мужик попросил его за семьдесят рублей отвезти три тонны картошки в Рязань. Коля картошку довёз, разгружали они её уже в полнейшей темноте. Ехать назад ночью Исаков не решился. Переночевал в машине.

А утром погода резко изменилась, ударил мороз, и трасса превратилась в сплошной каток. Ехать на «лысой» резине, пусть и на военном вездеходе ГАЗ-66, было невозможно. Коля съехал в какой-то кювет и отсыпался в кабине до воскресенья.

К счастью для него, в воскресенье ближе к вечеру потеплело, лёд растаял, и Исаков, счастливо миновав посты ГАИ, вернулся в Москву.

Для начала его лишили премии и на три месяца перевели в слесари – «законопатили в яму».

Коля страшно обиделся и посчитал это оскорблением. Но делать было нечего. Если бы делу дали ход, у Коли отобрали бы водительские права.

Прошло два месяца. В январе Исакову стукнуло 22 года. Разумеется, без попойки не обошлось. Пили, как обычно, в раздевалке, за шкафами.

Выйдя после застолья из проходной, Коля увидел, что на обочине стоит его родной ГАЗ-66, который в этот момент водил, по меткому Колиному выражению, «шофёр-рулила» Мишаня Желобнюк.

И так стало Коле обидно, что его машиной владеет кто-то другой...

Словом, грузовик Коля угнал. Благо, ключ раззява Желобнюк оставил в замке зажигания.

Мишаня, кстати говоря, отошёл от машины буквально на двадцать метров, вошёл в проходную, чтобы позвонить диспетчеру по местному телефону, а когда через пару минут вернулся, его машины уже и след простыл. Он даже глазам своим сначала не поверил.

Грузовик моментально объявили в розыск.

Наш начальник, Кирилл Гаврилович Барыгин, в ту ночь спал плохо. Какой там сон – машину угнали! К тому же с грузом! Возможно даже, дорогим и секретным! Где-то часа в три ночи ему домой позвонили: «Машину нашли! Угонщика поймали! Срочно приезжайте в ГАИ!»

Входя в отделение ГАИ, Барыгин готов был увидеть кого угодно, только не Колю, который сидел и нагло улыбался перед столом инспектора.

– Повезло тебе, начальник! – заявил он милиционеру. – Если бы мой «газон» не перевернулся, хрен бы ты меня поймал!

Как выяснилось, гонялись за Колей по всему городу несколько часов. Делая очередной резкий поворот, он перевернулся на своём ГАЗ-66 кверху колёсами. Из кабины его еле-еле вытащили – дверь заклинило.

На этот раз дали Коле на «полную катушку» – три года лишения водительских прав за управлением автотранспортом в нетрезвом виде.

Исаков наглухо осел в «яме». Пить он стал страшно. От его атлетической фигуры почти ничего не осталось. Тело стало отёчным, лицо – обрюзгшим и апатичным, глаза – заплывшими.

Иногда – обычно после получки – Коля дня по три не являлся на работу. С этим как-то смирились. Если Исаков не появлялся на работе четыре дня подряд, за ним посылали машину и пару мужиков, которые силой доставляли его в гараж.

До сих пор помню, как в эту пору Коля обедал. Вот он сидит рядом с туалетом на грязном стуле. Слесарная мастерская и ямы для ремонта машин – рядом. Его руки в солидоле, мазуте, ещё какой-то вонючей горюче-смазочной дряни. Он держит в руках булку за семь копеек и, тупо глядя куда-то сторону, ест её, запивая газировкой из нашего гаражного сатуратора.

Пальцы Исакова оставляют на булке след, но он ест хлеб вместе с теми самыми «следами» и не замечает этого.

Однажды Федя Зелинский – в один из очередных Колиных запоев – позвонил ему домой. Трубку взяла Колина дочка. «Оля, – ласково спросил девочку Федя, – а где папа?» «А папа лежит на диване и говорит, что его нет дома!» – ответил наивный ребёнок. Так я узнал, что Коля женат. Что женился он ещё до армии. Что жена родила ему дочку, пока Коля служил на флоте. Что она заочно закончила пединститут и работает учительницей в начальной школе.

Что она борется за Колю, но ничего с его пьянством поделать не может.

Несколько раз по милости слесаря Исакова машины попадали в аварию. То гайку не подкрутит, то болт не завернёт. К счастью, дело обходилось без жертв. Но оставлять Исакова в яме было нельзя.

Выперли его и из слесарей. В грузчики. Дальше падать было уже некуда.

Хотя это практически невозможно, но в грузчиках Коля стал пить ещё больше. Частенько ходил с поцарапанным лицом, с подбитым глазом.

Наконец, его жена не выдержала. Она написала заявление, чтобы Колю отправили на принудительное лечение, в ЛТП.

По тогдашним правилам, отправку в это полутюремное учреждение должны были санкционировать на работе.

Это собрание – по поводу Колиного ЛТП – запомнилось навсегда. Коля не проронил за всё время, пока мы решали его судьбу, ни слова. Сидел на стуле, сцепив руки, и молча смотрел себе под ноги. Никто, даже самые запойные наши пьяницы, Колю защищать не пытались. И на поруки его брать не предлагали. Видимо, все понимали, что Исакова мы остановить не сможем, что «на его гайке шлиц сорван». Когда предложили проголосовать, руки за то, чтобы отправить Исакова на принудительное лечение от алкоголизма, подняли все.

Коля в гараж больше не вернулся.

Краем уха я слышал, что почти сразу после возвращения из ЛТП Коля Исаков погиб – отравился «палёной» водкой.

ДУГОВОЙ С «БЕГОВОЙ»

Однажды поздно ночью у меня дома зазвонил телефон. Обычно такие звонки предвещают беду. В полуобморочном состоянии встал я с кровати. Смотрю на часы. Без четверти три.

– Алло?

– Старичок, – раздался на том конце провода чей-то пьяненький голос. – Я звоню из автомата. Я тут немного заблудился. Ты не знаешь, где я живу?

– А я – это кто?

– Да ты знаешь, я толком не помню. Помню почему-то только твой телефон. Но как тебя зовут – тоже не помню!

– А свой телефон ты тоже забыл? – поинтересовался я, уже поняв, что звонит мне один из наших «петь» – Юра Дуговой, прославившийся тем, что, напившись, частенько забывал всё и вся.

– Из своего телефона я ни одной цифры не помню. Но дело не в этом. У меня с собой три пластинки с классической музыкой. Давай, я сейчас к тебе приеду, и мы их послушаем!

– В три часа ночи?

– А что такого?

– А что скажут соседи?

– Да наплюй ты на соседей! Диктуй адрес и готовь червончик мне на опохмел. Я к тебе сейчас приеду.

Каюсь – грешен. Адрес свой я ему не продиктовал. А чтобы он не перебудил своими звонками всех моих домашних, выдернул телефонный провод из розетки.

Наутро я ожидал, что Юра вспомнит о своём ночном звонке. Куда там! У него с «бодуна» раскалывалась голова. Где он провёл остаток ночи и когда обрёл способность ориентироваться в пространстве, – я у него не уточнил.

Но поразительные свойства памяти Юры Дугового этим не ограничивались. Забыть своё имя, адрес и номер домашнего телефона, но почему-то помнить номер моего телефона, который Юра всего два – три в жизни набирал, – это ещё не самое интересное.

На собственной свадьбе, которая происходила в Юриной квартире недалеко от станции метро «Беговая», он потряс всех тем, что забыл, КАК НУЖНО ГЛОТАТЬ. В самый разгар веселья, когда Юра уже в досталь под крики «горько» нацеловался со своей молодой женой, он вдруг начал делать какие-то странные знаки. Жестикулировал он молча, но очень энергично, делал круглые глаза и упорно показывал на свой рот, а потом – на горло. Кто-то из гостей испуганно предположил, что у Дугового – «удар». Он, мол, недавно перечитывал роман Гончарова «Обломов». Так вот, Илья Ильич Обломов, когда у него случился «удар», вёл себя так же. Кому-то показалось, что «молодой» подавился костью, он начал энергично стучать Юру по спине.

Гости побросали свом рюмки и закуски. Шутка ли! У жениха – инсульт или кость в горле!

А Юра между тем выплюнул водку прямо в тарелку с салатом «оливье» и произнёс фразу, ставшую исторической: «Мужики, я забыл, как глотать!»

И гости, изрядно к тому времени подвыпившие, дружно стали объяснять жениху, как выглядит глотательное движение, показывать, какие мышцы в этом процессе участвуют. Некоторые, не ограничиваясь теорией, продемонстрировали процесс глотания водки на практике.

С третьего или четвёртого раза глотательный рефлекс у Юры, ко всеобщей радости, восстановился.

Мне, признаться, уже там, на свадьбе, было не совсем понятно, как это можно – потерять врождённый рефлекс. Можно забыть, как Коля Сизов, все слова, кроме матерных, но дышать, икать, глотать, выделять из себя съеденное и выпитое – разве для этого нужна память?

Свадьба Юры вошла в историю ещё и потому, что на ней ВСЁ ВЫПИЛИ. И дело вовсе не в том, что «мало взяли». На восемь мужиков и столько же дам взяли ящик водки, десять

бутылок «Шампанского» и пять бутылок коньяка. Кроме того, Юра привёз из деревни четверть своего фирменного самогона крепостью пятьдесят пять градусов.

Свидетельствую: за стол сели в пять часов вечера. А уже в полночь ничего спиртного в квартире Дугового не осталось.

Делясь со мной впечатлениями о прошедшем мероприятии дня через три, Юра сокрушался: «И как я не рассчитал! Хотя, ты знаешь, я на следующий день специально подсчитал, сколько осталось пустых бутылок. Из-под «Шампузеи» – все 10 на месте, из-под коньяка – тоже, а пустых водочных я нашёл только восемнадцать. Значит, кто-то из гостей слямзил два пузыря на опохмел!»

Работал Юра поначалу на рыдване, у которого мотор располагался прямо в кабине, справа от сиденья водителя. Вонь в кабине стояла несусветная: казалось, что именно там помещалась выхлопная труба. Кроме всех этих прелестей, Юрина машина имела ещё одно странное свойство: при езде она издавала резкие хлопки – «стреляла». Причём, кроме спонтанного выхлопа, Юра научился «салютовать» «по заказу». Для этого во время езды нужно было на полном ходу выключить у машины зажигание.

Луговой хищно выслеживал на тротуаре какую-нибудь древнюю бабульку с авоськой, желательно с бутылками молока или кефира и, поравнявшись с ней, выключал зажигание. Раздавался громкий хлопок. Старушка вздрагивала. Очень часто авоська у неё из рук падала, бутылки разбивались, и белая жидкость текла по асфальту. Юра ликовал.

У нас в отделе он развлекался тем, что толкал в спину кого-нибудь из ребят, спускавшихся по полутёмной лестнице, ведущей со второго этажа в гараж, к ремонтным ямам и мастерским. Некоторым удавалось удержаться на ногах. Кто-то падал. Дуговой радостно, дружелюбно смеялся. Били его, конечно, «петей» называли, но Юра не унимался.

Было у него и ещё одно развлечение. Дождавшись, когда кто-то входил в туалет и начинал шуршать там бумагой, Юра закрывал дверь туалета и выключал свет. Кто-то падал с унитаза, другие никак не могли найти щеколду у двери... Все знали, что это – милые, дружеские, невинные шутки Дугового.

Правда, когда душка Дуговой проделал эту штуку с Олегом Волновым, здоровенным грузчиком, по кличке Алэг, тот поймал Юру, затащил его в сортир, открыл крышку бачка и заставил Дугового минуты три с небольшими перерывами пускать в бачок пузыри.

После того, как Дуговой столкнулся с той самой лестницей Алэга и тот «пропахал» добрый десяток ступеней, Алэг долго и упорно, схватив Дугового за волосы, возил его лицом по стене. Недели две Юра ходил с царапинами на щеках и на лбу, объясняя происхождение этих полос тем, что он, дескать, упал и «проехался мордой по асфальту». Дуговой хорошо знал, что Алэг, будучи человеком благородным, истинного происхождения царапин не выдаст.

Волнов был знаменит у нас тем, что подарил на День рождения своей любимой девушке, хрупкой и миниатюрной, двухпудовую гирию, которую привёз ей в подарок из Хабаровска. Регбийная команда Олега ездила туда на соревнования. Кстати говоря, точно такие же гири продавались в магазине «Спорт», который располагался на первом этаже дома, где жил Волнов. Но там покупать гирию Олег не хотел: слишком уж банально!

Олег был по-настоящему огромен (в регби люди с другой комплекцией не играют). В команде Волнова называли просто, но со вкусом – Комод.

Однажды Волнов позвонил мне домой. Минуты три поговорили. Вдруг раздался страшный грохот и вслед за ним – короткие гудки. Через несколько минут Алэг позвонил снова.

– Слушай, – поинтересовался я, – что это у тебя там за грохот был?

– Да сегодня жарко, – ответил Алэг, – зашёл я в будку, чувствую, дышать нечем, вышел наружу, встал сбоку, облокотился о будку, а она, зараза, упала.

Как-то в раздевалке Алэг рассказал о том, как они играли с дублирующим составом команды «Слава» Второго московского часового завода. Запомнилась фраза Волнова: «Когда мы с ребятами из нашей команды этих мужиков увидели, я испугался».

Испугавшийся Алэг – это, конечно, зрелище неслабое. На груди Алэга – от шеи до паха – виднелся здоровенный иссиня-чёрный синяк сантиметров в пятнадцать – двадцать шириной.

– Что это у тебя? – спросил я у Алэга.

– Меня вчера уронили, я упал, а один из этих, из дублёров «Славы», на меня наступил!

– У него что, ступня такого размера?

– А ты думал какого?

Но вернёмся у Дуговому. Неутомимая, какая-то лихорадочная шkodливость сочеталась у Юры со склонностью к блефу и – с поистине раблезианским обжорством. При этом Дуговой совершенно не полнел. Тощий был, как глиста.

Ел Дуговой почти непрерывно. Как ни посмотришь на него – всё что-то жуёт. Бывало, придём мы втроём: я, Дуговой и Лёшенька – в нашу институтскую столовую обедать. Пока мы с Лёшенькой в какой-нибудь котлетке ковыряемся, глядишь, – а Юра, наворачив три – четыре порции беляшей и «тазик супа», уже плотоядно посматривает на наши котлетки. Он так и просил раздатчицу в столовой: налить ему «тазик» супа, со дна погуще, но главное – побольше, чтобы, пока несёшь, суп доходил до самых краёв тарелки.

Никто лучше Дугового не знал, где в Москве можно дёшево и вкусно покушать. Когда закрыли на ремонт нашу институтскую столовую, он возил всю нашу компанию на «козле» по своим излюбленным «забегаловкам». И – надо отдать ему должное – готовили там действительно классно.

Что до блефа, то здесь с Юрой сравниться не мог никто. Его у нас в отделе так и называли: Главный блефолог.

Как-то в свой день рождения Дуговой зазвал Федю Зелинского (начальство всё-таки!) в кафе.

Пришли. Выпили. И тут Дуговой решил пригласить на танец какую-то смазливую девицу. Пошли танцевать. К Юре тотчас подошёл служащий этого заведения и сообщил, что у них в кафе танцевать не принято.

«У меня сегодня такой день, – интимно беря работника кафе за рукав и скромно опуская глаза долу, поведал о своей радости Юра, – я защитил кандидатскую диссертацию. Мы с моим научным руководителем, профессором Зелинским, отмечаем это событие. Я всю жизнь мечтал защитить диссертацию и потанцевать в этот день с красивой девушкой!»

Федя утверждает, что танцевать Дуговому, в виде исключения, разрешили.

Так что весь этот вечер Федя пробыл доктором наук, не сегодня-завтра – членом-корреспондентом Академии Наук СССР. А Юра – кандидатом философских наук. Он и тему сходу придумал – что-то там связанное с экзистенциализмом и инфернальностью.

А между тем у Юры к тому моменту не было даже среднего образования. К удивлению своему, я выяснил, что «кандидат наук» Дуговой от случая к случаю посещает вечернюю школу рабочей молодёжи, что находилась тогда рядом со станцией метро «Краснопресненская». Ту самую, в которой я проходил на 4-м курсе педагогическую практику.

И – самое интересное – преподавала Юре русский язык та же учительница, что вела у меня эту самую практику. Я и уроки, как выяснилось, вёл в Юрином классе. Только его в эти дни в школе не было. Вот бы мы удивились, оказавшись в одном классе на одном уроке! Он – за партой, я – за учительским столом!

Примерно через месяц после того, как Юра «защитил диссертацию» по проблемам экзистенциализма, его услали на год в командировку на Балхаш вместе с Сашей Децибелом.

Вернувшись из командировки, Дуговой с Децибелом рассказывали, что считали проведённые там дни очень своеобразно. Выпив перед сном бормотухи (ничего другого на Балхаше купить было невозможно), они якобы ставили опорожненную тару вдоль стены.

Когда через год их приехал сменять Серёжа Котелков, он обнаружил такую картину. Кровати Саши Децибела и Дугового стояли посреди комнаты. От двери к кроватям вела узкая дорожка, а вдоль всех четырёх стен в девять – десять рядов стояли пустые бутылки.

Сдать их было невозможно: на Балхаше тогда (не знаю, как теперь) бутылки не принимали. Правда, когда Котелков, вернувшись с Балхаша, рассказал в курилке об этой галерее бутылок Володьке Цветкову, тот просветил Серёжу: «Да эти бутылки ещё лет семь – восемь тому назад начали так ставить! Ещё Коля Дряничев с Витькой Тупицевым. Больше Децибела слушай! Они с Дуговым и одного ряда не заполнили!»

Так это или не совсем – не знаю. Может, они с Децибелом и полтора ряда бутылок после себя оставили. Но одно я могу утверждать абсолютно точно: ни на Балхаше, ни в Москве Дуговой никуда никогда не врезался и ладил с начальством, хотя пил он, как мне казалось, не меньше других работяг.

Вообще эта особенность Лугового – выходить сухим из воды – отличала его от всех других наших мужиков. Один садился в тюрьму, другой оказывался в ЛТП, от третьего уходила жена, четвёртый попадал в аварию. Были даже случаи самоубийства. Ребят моего возраста лишали водительских прав, снимали с них бронь и отравляли в армию, «старикам» издевались над ними.

Многие ребята на моих глазах поразительно быстро спивались. Бывало, придёт новенький парень. Любо-дорого посмотреть: не пьёт, не курит, не сквернословит. Чистенький, скромненький. Глядь – прошло года полтора, и куда что делось!? «Канифолит» с Сизовым или Волчом каждый день. Именно тогда мне понятна стала метаморфоза, произошедшая с Мечиком – одним из героев романа Фадеева «Разгром». Пойди – попробуй остаться воспитанным и причёсанным, когда вокруг тебя такие «типажи» разгуливают!

А Дуговой – каким был в самом начале, – таким и остался. Во всяком случае, ни в один «штопор» при мне он не входил и ни в каких непотребствах с мордобоями замечен не был.

Кстати говоря, после возвращения с Балхаша Юра получил новую машину – только что полученный с завода ЗИЛ-130. Из молодых такой чести на моей памяти мало кто достаивался.

Примерно в это же время Дуговой купил машину. Ну, машину – это, конечно, громко сказано. Так, «горбатый» «Запорожец». Почти по цене велосипеда «Орлёнок». Уже через неделю Юра очень удачно въехал на своём «горбате» под КАМАЗ. Причём водитель КАМАЗа от греха подальше предложил Юре не вызывать ГАИ, а расплатиться за причинённый ущерб на месте. Юра потребовал с него триста рублей. Тот, поторговавшись, отдал коммерсанту Юре двести пятьдесят.

Потом Юра купил себе «Москвич», хотя и подержанный, но во вполне приличном состоянии. А ещё через год у Дугового уже была «копейка».

Вся молодёжь отдела ездила на работу на метро да на наземном транспорте. Дуговой же подруливал к проходной института на «Жигулёнке». Тот стоял на стоянке сразу же за «ГАЗ-21» Барыгина.

Потом Дуговому в честь какого-то юбилея института дали медаль – «За трудовое отличие». Краем уха я услышал, что Юра просил у нашего партийного лидера Павла Фёдоровича Воробьёва рекомендацию в КПСС. Тот обещал подумать.

Это становилось уже интересно.

Как-то, во время совместного застолья, я поделился с Юрой своими размышлениями. Как ему всё это удаётся? И с начальством ладить, и карьеру делать, и с нами «корешковаться»... С таким счастьем – и на свободе? В нашем отделе таких прецедентов не было.

Юра, несмотря на то, что выпито к тому времени было немало, посмотрел на меня совершенно трезвыми глазами и сказал: «Знаешь, старичок, я так думаю, что с дураков и спрос меньше. Вон Децибел: тысяч на двадцать пять родной институт в Клину нагрел. И что – да ничего! Покрутил гайки в яме – и опять за баранку сел. А будь это кто другой – до конца жизни бы не расплатился.

Можете считать меня «петей», дураком в глаза и за глаза называть, говорить, что я только и могу, что бабок на улице своей машиной пугать да кошек давить. А я вас всех обставлю! Ты что же думаешь, я на самом деле на свадьбе забыл, как глотать? Что я, совсем, что ли? Или ты

полагаешь, это намного умнее – поверить, что кто-то глотать разучился? Кто из нас на свадьбе был глупее, – это ещё вопрос!

А может, ты полагаешь, я был до такой степени пьян, когда звонил тебе ночью по телефону, что ничего не помнил? Всё я прекрасно помнил. Выпил, конечно, но не так, чтобы завтра за руль сесть не смог! И звонил я тебе из собственного дома, а не из автомата! Так-то, дружок!»

Надо сказать, поразил меня тогда Юра.

А у него всё продолжало складываться удачно. И военный билет он получил за месяц до меня, и в МАДИ на заочное отделение поступил с лёгкостью.

Как-то, лет семь тому назад, я стоял на автобусной остановке рядом с платформой подмосковной станции Кубинка. За спиной у меня был тяжеленный рюкзак, в руках – хозяйственная сумка на колёсах. Один автобус отменили, другой что-то запаздывал. Ждать пришлось долго, часа полтора. П-другому до нашей дачи доехать тогда было невозможно. Если только на такси или на своей машине.

Вдруг кто-то меня окликнул. Гляжу – лицо знакомое. Вроде Дуговой. Только изменился он за это время капитально. Борода у него с усами ухоженная – «а'la Николай второй», хоть в фильме про последнего императора его снимай, очки модные нацепил. Всё у него, как у людей: цепка золотая, костюмчик с прикидом, часы дорожные – «Картье», иномарка навороченная с прибабасами и тонированными стёклами. Вышел он из машины. Заматерел, облысел немного, но не сказать, чтоб уж очень изменился. Поздоровались.

– Как живёшь, – барственно похлопывая меня по плечу, осведомился Юра, – чем занимаешься?

– Да вот, – говорю, – к родителям на дачу еду, да автобуса чего-то нет. А вообще в школе работаю, учителем.

– Ну-ну, – ответил Дуговой, – всё-таки пошёл горбатых выправлять? А я думал, – тюльку гонишь!

– Ну, а ты? – спрашиваю.

– Как видишь! – отвечал Юра. – Ну, всех я, конечно, не обставил. Есть среди наших, институтских, ребята и покруче. Но тоже ничего. Сейчас вот еду к себе на участок (купил я себе здесь соток сорок), смотреть, как «чурки» мою фазенду обустроят! Дело у меня своё. Грабим страну помаленьку! Ну, ничего, она богатая, на всех хватит! Хочешь, подброшу до дачи? Я не особо спешу!

– Да нет, – говорю, – Юра! Я гордый. Я уж как-нибудь сам доберусь.

Как раз в это время мой автобус разворачивался на стоянке, и народ готовился штурмовать его.

– Ну-ну, – сказал мне на прощание Дуговой, – дело твоё. Счастливо тебе доехать, страдалец!

– И тебе, – говорю, – кормилец!

КОЕ-ЧТО О «ГОВОРЯЩИХ» ИМЕНАХ. САША ЧУДНЫЙ

В нашем отделе мужиков с «говорящими» фамилиями было много. Тупицев (без комментариев), Дряничев (тоже – в точку), Татьяна Секретарёва (она же Карманный-Вариант), неразлучная парочка слесарей – дядя Саша Потеряйко (исключительный раззява) и его собутыльник дядя Паша Наливайко, по кличке Пойдём-Выпьём. Последние двое пришли к нам в отдел чуть ли не в один день незадолго до моего ухода. Но точнее и полнее других характеризовала фамилия Сашу Чудного.

Причём «ударять» его фамилию можно было в любом месте. Был он и чудный, и чудной. Чудное в нём было то, что Саша был парнем замечательным: с лёгким, весёлым характером. Он всё время смеялся, хохмил. Если за рулём машины, которую мне выделяли, сидел Саша Чудный, это был праздник. Саша пел, рассказывал всевозможные смешные истории, травил

анекдоты. Никогда такого не было, чтобы Чудный не помог мне погрузить или разгрузить ящики, какими бы тяжёлыми они ни были. Хотя за это ему и не платили...

Саша был лучшим водителем в нашем отделе. Несколько раз на своём грузовике побеждал на ежегодном городском конкурсе. После каждой такой победы в коридоре, прямо напротив комнаты отдыха шоферов, вывешивали плакат со стереотипным заголовком: «Равняемся на Чудного!»

Чудного в Саше тоже было немало. Ну, например, то, что все внутренние органы у него располагались не так, как у других людей. Печень у Саши была слева, а селезёнка и желчный пузырь – справа. Справа у Саши было и сердце. Когда я впервые услышал о такой вот «зеркальной» Сашиной анатомии, то поначалу решил, что меня разыгрывают. Потом у знакомой врачихи выяснил, что, оказывается, бывает такая аномалия. Редко, но бывает.

Саша очень нравился нашим транспортным дамам. Все их Дни рождения, 8 Марта, Новый год и прочие праздники Саша не оставлял без внимания. Цветы, конфеты, комплименты... И делал он всё это не из подхалимажа, не из желания приобрести у них «блат», а просто потому, что любил женщин, умел радоваться жизни, был весёлым и талантливым, по-настоящему живым человеком. Рядом с нашими мужиками, нечёсаными, немытыми, вечно похмельными, Саша казался каким-то инопланетянином.

Были у Саши и некоторые «чудинки». Например, всем в отделе была известна его страсть к игре «Спортлото». В течение многих лет Саша не пропускал ни одного тиража. Покупал каждый раз по десять билетов «Спортлото 5 из 36» и столько же – «Спортлото 6 из 49». Станным было и то, что Саша Чудный вёл скрупулёзный подсчёт деньгам, которые он на эти билеты потратил. Не менее тщательно подсчитывал он и выигранные им деньги. Пропорция была довольно интересная: истратил на билеты Саша около двадцати пяти тысяч, выигрыш же его составил около полутора тысяч рублей.

Билеты всех тиражей Саша тщательно хранил. Корешки их были увязаны в толстые пачки и лежали в раздевалке в его шкафу, на верхней полке.

Я как-то поинтересовался у него:

- Саша, зачем ты играешь?
- Я хочу выиграть автомашину!
- Послушай, но ты ведь уже вложил в это дело четыре машины «Жигули».
- Нет, я не хочу эти деньги на машину **накопить**. Я хочу её именно **выиграть**! Понятно?
- Не очень, – признавался я.
- Ладно, замнём для ясности.

Я много думал над этим разговором. Видимо, в Саше жила неистребимая жажда Чуда, хотя бы такого – в виде выигранной машины.

Однажды Саша Чудный пришёл в отдел каким-то по-особенному светлым. Он просто сиял. Мужики поинтересовались:

- Чего лыбишься?
- Через месяц женюсь! Я ухаживал за ней десять лет, ещё с девятого класса!
- Нашёл, чему радоваться! – мрачно среагировал на Сашину новость Волчок. – Так пришёл домой: хочешь – пей, хочешь – на диване валяйся и телек смотри. А теперь она тебя будет по магазинам гонять да мелочь из карманов выгребать.

Но на Сашу пессимизм Волчка никак не подействовал.

Он тихо сиял.

...Неприятности Саши начались на следующий день. С самого утра. Дело было в январе месяце. Ночью температура упала ниже тридцати градусов мороза, и Сашина машина – грузовик ЗИЛ-130 – никак не заводилась. Её подцепили за трос к грузовику, которым управлял Николай Алексеевич Дряничев, мрачный мужик, вреднющий и сварливый, как баба. Машины стояли рядом с гаражом, прямо перед дверью в комнату дежурных механиков. Но что-то там у Дряничева не срослось. То ли он сам никак не мог завести свою машину, то ли

почему-то медлил. Трос лежал на асфальте. Пройти, минуя трос, в гараж, было невозможно. Если только через дальние ворота.

Именно в этот момент к нам и занесло этого мужика из научного отдела. Зачем он пришёл в гараж – машину заказать или ещё зачем-то?.. Долго и задумчиво стоял он перед тросом. Машины всё не двигались. Трос лежал на асфальте. Наши гаражные работяги с интересом наблюдали за происходящим. Наконец пришелец из внешнего мира решительно двинулся к тросу. Он наступил на него и собирался уже юркнуть в дверь дежурных механиков, но Дряничев в этот момент дал «по газам», трос мгновенно поднялся почти на метровую высоту, вытянулся в струнку, и мужик взлетел вверх, метров на пять, как воздушный акробат.

Прочертив в воздухе довольно замысловатую дугу, мужик шмякнулся на асфальт. Приземлился он на редкость удачно: на небольшой снежный холмик, который за ночь намело перед гаражом. Лежал «акробат» недолго. Встал и, пошатываясь, заковылял в комнату дежурных механиков. Тут мужики, молча наблюдавшие все фазы этого редкого по красоте полёта и приземления, ожили. Кто-то начал кричать Дряничеву, чтобы тот заглушил двигатель. Кто-то побежал за аптечкой и нашатырём.

Больше всех переживал о случившемся Саша Чудный. Он крутился вокруг пострадавшего, держал перед ним нашатырь. Потом сбегал в медсанчасть и привёл с собой доктора.

К счастью, с мужиком всё обошлось. Конечно, лёгкое сотрясение мозга он заработал, но не более того. Доктор – очень толковая и весёлая женщина – посоветовала воздушному гимнасту пойти домой и отлежаться пару деньков. Мужик этот сидел в комнате дежурных механиков и без конца рассказывал: «Я всё думал – переступить трос или наступить на него? Думаю, если переступлю, а машина в этот момент тронется, меня тросом пополам разорвёт. Поэтому я взял и наступил!»

«Да уж, – мрачно подтвердил Дряничев, – если бы переступил через трос, без яиц бы точно остался!»

Саша Чудный облегчённо вздохнул и снова пошёл заводить машину.

Эх, лучше бы она в этот день не завелась вовсе!

...Саша появился в отделе часа через три. Вид у него был страшный. Весь истерзанный, избитый, окровавленный, без шапки, с напрочь оторванным рукавом дублёнки, он вошёл в диспетчерскую, сел на пол и заплакал. Из его визгливых криков можно было разобрать только одно: «Я убил человека!!!»

Буквально через минуту стало известно, что недалеко от института, возвращаясь из поездки, Саша насмерть задавил старика, который неожиданно вышел на проезжую часть прямо перед ним. Не было там ни светофора, ни перехода. Только проезжая часть, раскатанная колёсами машин до состояния катка. Саша пытался затормозить. Машина – тяжеленный грузовик – проехала по инерции несколько метров. Этого хватило. Буквально за секунду до столкновения старик, услышав скрип тормозов, повернулся к надвигающейся опасности, лицом в машине.

Старик упал навзничь – удар был очень сильным. Голова с бильярдным стуком ударилась об асфальт. Черепная коробка раскололась, головной мозг вывалился наружу, на блестящий лёд, отшлифованный шинами машин. Саша никогда не думал, что мозг так похож на половинку ядра грецкого ореха...

До остановки, на которой толпился народ, было метров пятьдесят. Все всё видели. Когда Саша выскочил из машины и побежал к старику, несколько людей с остановки набросились на него и начали бить. Возможно, убили бы. Но из проезжавшей мимо патрульной машины выскочили милиционеры и остановили побоище.

Вызвали ГАИ. Составили протокол. Тело старика отправили в морг. Сашу до выяснения всех обстоятельств дела отпустили.

Свадьбу пришлось отложить на неопределённое время. Саша, как тень, бродил по отделу. Садиться за руль ему было нельзя, да он и не смог бы. Не мог он работать и слесарем: в глазах было темно, детали валились из рук. До поры до времени его отправили помогать

Валентине Ивановной Вишняковой на склад. Саша, ничего не видя вокруг себя, таскал железки. Когда работы не было, молча сидел на стуле и смотрел в одну точку.

Потом был суд. Саше попался умный, опытный и въедливый адвокат. Он выяснил, что старик, которого задавил Саша, страдал тяжелейшим склерозом. Из дома он в тот день ушёл по недосмотру домашних, забывших закрыть дверь. Кроме того, старик тот был ещё и слеп на один глаз. Половину зрачка второго глаза закрывала катаракта. Переходил он дорогу, не видя Сашин грузовик.

Сашу оправдали. Наши водители, бывшие на суде, рассказывают, что, когда объявили приговор, Чудный встал перед близкими старика на колени и попросил у них прощения.

Из отдела Саша уволился примерно через месяц после суда. За руль он сесть больше так и не смог.

– Ну, что же, дело хорошее, кому-то ведь надо учить детей, – грустно сказал Федя Зелинский, поняв, что моё намерение уйти из института – окончательное. Если что не получится, возвращайся. Всегда найдём тебе работу.

Я по накатанной ещё девять лет тому назад дорожке прошёлся по институту со своим «бегунком». Переход встретил меня приветливо: «Живой, значит!» Кот налил стакан.

Потом попрощался с мужиками, выставил им напоследок положенный в таких случаях ящик водки.

Провожал меня до проходной Лёшка Бочаров. Он принимал мой пост: оставался после меня таскать ящики. Перед тем, как охранники навсегда изъяли у меня пропуск, уже в проходной, не выпуская моей руки, Лёшка сказал: «Девять лет – это серьёзно. Тебя здесь все знают. К тебе привыкли. Ну, чего тебе в этой школе? У тебя военный билет. Теперь у тебя все права! Никто не посмеет на тебя гавкать. Оставайся! Хочешь, рекомендацию тебе в партию дам?»

Я осторожно высвободил руку, обнялся с Лёшкой, а потом отдал свой пропуск охраннику и прошёл через стеклянные вертящиеся двери. Выйдя из здания института, я оглянулся. Бочаров стоял с той стороны проходной и смотрел мне вслед.

Я шёл к остановке трамвая – в последний раз – и вспоминал эти девять лет, в которых было спрессовано так много.

Уже после того, как трамвай тронулся и, грохоча, поехал мимо здания «Булочной», магазина «Продукты» и психиатрической больницы, я увидел Волчка. Он стоял около двери винного отдела магазина и, высоко задрав голову вверх, пил из горлышка «бормотуху». Допив вино, он бросил бутылку тут же, на асфальт, и вынул из кармана конфетку. По ветру полетела бумажка...